

Сергей Шаповалов

И умереть мы обещали

12+

Сергей Шаповалов

И умереть мы обещали

«Автор»

2016

Шаповалов С. А.

И умереть мы обещали / С. А. Шаповалов — «Автор», 2016

ISBN 978-5-532-93122-0

Исторический роман, в котором писатель попытался изложить новый взгляд на эпоху Отечественной войны 1812 года. Мы знаем о грандиозном сражении при Бородине, но нам совсем не известно кровопролитное сражение под Клястицами, где решалась судьба Петербурга. А битва у Малоярославца имела не меньшее значение, чем при Бородине. В романе много места отводится «польскому вопросу», который в то время стоял довольно остро. Именно «Вторым польским походом» назвал войну с Россией Наполеон. В оформлении обложки использованы картины художницы Екатерины Камыкиной.

ISBN 978-5-532-93122-0

© Шаповалов С. А., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	28
Глава четвертая	38
Глава пятая	45
Глава шестая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Сергей Шаповалов

И умереть мы обещали

Глава первая

Я рос, как и большинство моих сверстников, в спокойной семейной обстановке, имея любящих родителей, двух младших сестёр и степенного гувернёра – француза. Отец хотел приписать меня к дипломатическому корпусу. Видел во мне будущего государственного деятеля и блестящего дипломата. Но я, вопреки его планам, мечтал поступить в морской корпус. Рвался в море. Мне грезились далёкие, неизведанные берега, отчаянный грохот волн, свист ветра в парусах, свобода до самого горизонта...

Однако детство моё окончилось в конце одна тысяча восемьсот одиннадцатого года. И кто же знал, какие испытания нас ждут впереди. Куда нас заведёт судьба. С какими людьми я повстречаюсь, скольких друзей потеряю, а скольких обрету.... А мне всего-то было тринадцать лет отроду.

Это произошло в один из тихих зимних вечеров. За окном в быстрых сумерках кружил пушистый снег. С кухни тянуло ароматом жареной утки и печёными яблоками в меду. Я сидел у отца в кабинете, за тяжёлым дубовым столом с точёными ножками. Огромная столешница была обтянута зелёным английским сукном. Ярko горели восковые свечи в бронзовых канделябрах. Тут же стоял письменный прибор из морёного дуба с чернильницей и аккуратно уложенными в пенал гусиными перьями. Бронзовый пресс-папье в виде бюста римского императора Цезаря взирал на меня сурово. Рядом стопка потёртых книг в дорогих кожаных переплётах.

Отец давал мне урок математики. Почему отец? Наш гувернёр месье де Бельте был очень умным и начитанным, но в математике, физике, естествознании он ничего не смыслил, посему папенька сам мне объяснял эти предметы. А вообще месье де Бельте был очень хорошим человеком. Великая французская революция¹ вынудила этого безобидного, тихого дворянина покинуть своё имение и бежать с семьёй в Россию. Теперь он преподавал мне французский, немецкий, всемирную историю, географию великих открытий и правила этикета, и даже правила стихосложения. А родитель мой учил меня точным наукам сам вовсе не из скупости. Просто отец служил в министерстве строительства, и посему знал в совершенстве технические предметы. Мы как раз углубились в нудные геометрические вычисления, когда вошёл Прохор, наш лакей. Я подумал: сейчас он позовёт нас к ужину; уж очень есть хотелось, уж очень аппетитно тянуло с кухни. Но Прохор доложил:

– Прибыл гонец от графа Очарова.

Отец вздрогнул и резко встал с испуганно скрипнувшего стула, да так неловко, что качнул тяжёлый стол. Капля чернил сорвалась с моего пера, ляпнув на лист бумаги, прямо туда, где я заканчивал вычисления.

– От кого? – не своим голосом переспросил папенька и побледнел, – От Петра Васильевича?

Он сделал два шага к двери. Прохор посторонился, пропустив в комнату крепкого мужика в сером овчинном тулупе. Тут же пахнуло морозом и конским потом. Мужик был

¹ Великая французская революция (фр. *Révolution française*) – крупнейшая трансформация социальной и политической систем Франции, произошедшая в конце XVIII века, в результате которой был уничтожен Старый порядок, и Франция из монархии стала республикой де-юре свободных и равных граждан. Девиз – «Свобода, равенство, братство». Началом революции стало взятие Бастилии 14 июля 1789 года, а её окончанием историки считают 9 ноября 1799 года (переворот 18 брюмера).

широкоплечий, коренастый. Темные волосы, остриженные под горшок. Густая борода лопатой. Глаза строгие, тёмные, брови густые. Он мял заячий треух в огромных жилистых руках. На ногах заношенные, но ещё крепкие сапоги. Я сразу вообразил себе лесного разбойника или бунтаря с Урала. Наверное, таким был Емельян Пугачёв². Мужик меж тем степенно поклонился, выпрямился и продолжал молча стоять.

– Степан? – узнал его отец. – Степан Заречный.

– Я, барин. Признали, – пробасил мужик, растягивая гласные.

– С чем пожаловал? Сам Пётр Васильевич прислал? С чего бы?

– Сам Пётр Васильевич, – как-то грустно ответил Степан. Развел руками, как бы думая, с чего начать. – Беда с барином. Приболел. Доктора вызвал из самого Пскова.

– Серьёзно приболел? – настороженно спросил отец.

– Куда ж сурьезней, ежели вас велел кликать. Почитай, четырнадцать годков ничего не хотел слышивать, а тут – на те – позвал меня и говорит: – Запрягай самую быструю тройку – и в Петербург...

– А доктор? Что говорит доктор, тот, из Пскова?

– А медведь его разберёт, – махнул рукой мужик. – Немчура. У него на русском язык не воротится. Каркает что-то по-своему. Да тут и так все ясно... – Он натужно вздохнул. – Ехать надо.

– Да, конечно. Завтра с утра и отправимся. Ступай на кухню, пусть тебя накормят, – распорядился папенька, сам стал нервно ходить по кабинету, нахмутив брови, и заложив руки за спину.

Лакей Прохор проводил гостя сердитым взглядом, вышел следом и затворил дверь. Послышалось с той стороны его недовольное бурчание:

– Что ж ты, мужик, сапоги-то не отряхнул? Глянь-ка, грязи сколько в дом наволок!

– Ой, и вправду, – пробасил гость. – Ничего. Вон, тряпку возьми и подотри. Для того ты тут и поставлен.

Раздались тяжёлые удаляющиеся шаги. Прохор что-то мычал, шипел. Видать, у него от таких наглых слов язык отнялся. Наконец ему удалось выкрикнуть вслед:

– Да как ты смеешь? Мужичина неотёсанный. Да ты.... Да ты.... В приличном доме. Это тебе не хлев...

– Прохор! – позвал отец. Лакей, красный от гнева, появился в дверях. – Распорядись пораньше подать ужин, да подготовь все к отъезду.

– Слушаюсь, – поклонился Прохор и удалился выполнять приказ.

– Мы едем к бабушке? – удивился я. – Но ты говорил, что ноги твоей не будет в Крещенках до самой смерти.

– Вот она и пришла. Тут не до обид, Сашенька, – отец рассеяно похлопал меня по плечу. – Нельзя злобу держать на того, кто перед порогом к Всевышнему. Надо прощать. Надо!

Он перекрестился на старую иконку, стоящую в углу кабинета.

Немного о графе Очарове, Петре Васильевиче, моем деде. Происходил граф из старого дворянского рода. Предки ещё при Иоанне Грозном³ служили в стрелецких полках. В правлении Петра Великого⁴ один из пращуров прославился в битве при Гангуте⁵, когда в составе абор-

² Емельян Иванович Пугачёв – донской казак, предводитель Крестьянской войны 1773—1775 годов в России. Пользуясь слухами, что император Пётр III жив, Пугачёв назвался им; он был одним из нескольких десятков самозванцев, выдававших себя за Петра, и самым удачливым из них.

³ Иоанн IV Васильевич (прозвание Иван Грозный; 25 августа 1530, село Коломенское под Москвой – 18 марта 1584, Москва) – великий князь Московский и всея Руси с 1533, первый царь всея Руси (с 1547)

⁴ Пётр I Великий (Пётр Алексеевич Романов; 30 мая [9 июня] 1672 года – 28 января [8 февраля] 1725 года) – последний царь всея Руси и первый Император Всероссийский (с 1721 года). Из династии Романовых (с 1682 года).

дажной команды первым ворвался на флагманский шведский фрегат «Элефант». За героизм и отвагу самодержец Пётр лично вручил ему офицерскую шпагу. В Полтавском⁶ сражении он уже командовал ротой Семёновских гвардейцев. Был изранен в штыковом бою, но остался на ногах и лично захватил шведский штандарт. Один из его сыновей, мой прадед, служил исправно в гвардии при Елизавете Петровне⁷. Мало того, в составе роты гренадёров Преображенского полка участвовал в её воцарении. При Екатерине⁸ имел высокую должность в военно-морской коллегии и успешно продвигал по службе моего деда. Тот поступил в коллегию по градостроительству. Работал вместе с Алексеем Васильевичем Тучковым⁹. Как-то inspectируя строительство, дед попал под обрушение лесов. Еле жив остался. Долго болел и вынужден был оставить службу. Удалился в родовое имение Крещенки под Псковом. Алексей Васильевич Тучков, бывший в то время уже в чине инженера-генерала-поручика, выхлопотал ему хорошую пенсию. Да и без того семейство Очаровых жило безбедно. Три сотни душ крепостных, леса, своя лесопильная мануфактура. Дед женился на княжне Турлиной, моей бабушке, тоже из псковских дворян. Всего у них родилось пятеро детей, двое из которых умерли в малолетстве. Мой отец – старший, графиня Мария, ныне Преображенова, жила с мужем и тремя детьми в Москве. Самый младший из пятерых, Семен Очаров, и самый беспутный, как считал папенька, служил в Литовском драгунском полку. Как рассказывал отец, бабушка скончалась ещё в возрасте сорока годов от простуды. Дед больше не женился.

Доживши до своих неполных четырнадцати лет, никого из родственников я не видел. А все потому, что мой родитель попал у деда в опалу. Отец выучился и поступил на службу в ту же коллегию, в которой служил дед. Алексей Васильевич Тучков, невзирая на старую дружбу с дедом, давал отцу очень ответственные поручения и спрашивал строго, дабы никто не смел и подумать, что сей отрок продвигается по службе только благодаря блестящей протекции.

Но с папенькой случилась романтическая история. Он повстречал на весеннем балу у Апраксиных¹⁰ очень красивую девушку и влюбился без памяти. Маменька происходила из рижских немцев, хоть бедного, но знатного рода, идущего ещё от рыцарей Тевтонского ордена¹¹.

⁵ Гангутское сражение (швед. *Slaget vid Rälax*) – морское сражение Великой Северной войны 1700—1721 годов, состоявшееся 27 июля (7 августа) 1714 года у мыса Гангут (полуостров Ханко, Финляндия) в Балтийском море между русским и шведским флотами, первая в истории России морская победа русского флота.

⁶ Полтавская битва – крупнейшее сражение Северной войны между русскими войсками под командованием Петра I и шведской армией Карла XII. Состоялась утром 27 июня (8 июля) 1709 года (28 июня по шведскому календарю) в 6 верстах от города Полтава на Украине (Левобережье Днепра). Разгром шведской армии привёл к перелому в Северной войне в пользу России и к концу господства Швеции в Европе.

⁷ Елизавета I Петровна (18 [29] декабря 1709, Коломенское – 25 декабря 1761 [5 января 1762], Санкт-Петербург) – российская императрица из династии Романовых с 25 ноября (6 декабря) 1741 года, младшая дочь Петра I и Екатерины I, рождённая за два года до их вступления в брак.

⁸ Екатерина II Алексеевна Великая (урождённая София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, нем. *Sophie Auguste Friederike von Anhalt-Zerbst-Dornburg*, в православии Екатерина Алексеевна; 21 апреля (2 мая) 1729, Штеттин, Пруссия – 6 (17) ноября 1796, Зимний дворец, Петербург) – императрица всероссийская с 1762 по 1796 годы. Дочь князя Ангальт-Цербстского, Екатерина пришла к власти в ходе дворцового переворота, свергнувшего с престола её непопулярного мужа Петра III. Екатерининская эпоха ознаменовалась максимальным закрепощением крестьян и всесторонним расширением привилегий дворянства.

⁹ Тучков, Алексей Васильевич – 1786 г. инженер-генерал-поручик, а потом, при Павле первом, действительный тайный советник, сенатор 5 апр. 1797 г. Строитель моста с Петербургской стороны на Васильевский остров (Тучкова).

¹⁰ Апраксины – графы и дворяне (в старину писались Опраксины). В 1371 году, по сказаниям древних родословных книг, к великому князю Олегу Рязанскому вышли из большой орды два знаменитые мужа: Салхонмир, или Солохонмир, и Едуган (от второго – Едугана – произошли Хитрово) Мирославичи. Солохонмир принял св. крещение и был назван Иваном. Великий князь Олег Иванович отдал за него в супружество родную сестру свою, Анастасию Ивановну, и пожаловал ему несколько вотчин. У Солохонмира был правнук Андрей Иванович, прозванием Опракса, от которого и начали писаться сперва Опраксины, а потом Апраксины.

¹¹ Тевтонский орден (также Германский орден, Немецкий орден; нем. *Deutscher Orden*) – германский духовно-рыцарский орден, основанный в конце XII века. Девиз ордена: «Помогать – Защищать – Исцелять» (нем. *«Helfen – Wehren – Heilen»*).

Вскоре молодые люди решили обвенчаться, но дед благословения не дал. Мало того – он впал в гнев. Оказывается, за год до этого обещал женить отца на дочери соседского помещика.

– Не желаю я родниться с немчурой, – кричал дед. – Наш род – истинно русский, православный, а они из католиков, и нищие, как церковные крысы. Не бывать сему!

У отца взыграла гордость, и они рассорились с дедом в пух и прах. Но Алексей Васильевич Тучков встал на сторону отца:

– Совсем сдурел Пётр Васильевич! Наверное, белены псковской объелся. Это же надо такое выдумать – немчура! Ну и что? А Екатерина, жена самодержца Петра кем была? А матушка наша покойная Императрица? Да сам он – морда чухонская¹², из каких? Все! Я к нему съезжу! Я ему все выскажу...

Но сердобольный Александр Васильевич только еще больше вбил клин вражды между дедом и отцом, да и сам рассорился с бывшим сослуживцем.

– Ничего, – сказал он по приезду обратно в Петербург, – ты, Андрей, служи честно, а я тебе подсоблю. Поживёшь с молодой супругой первое время у меня в доме. Со временем за усердие чин получишь и жалование приличное... А старик перебесится. Позовёт тебя ещё... Вот увидишь.

Вскоре родился я, потом средняя сестра Машенька и младшая Оленька. У нас уже был свой дом в конце Миллионной. Папенька усердно служил. Каждый второй четверг месяца устраивали приём гостей. В общем, жили, как и все семьи средних чиновников Петербурга. Но дед так и не позвал нас ни разу. Приходили, правда, странные гостинцы на Рождество, да на Пасху. Но – ни записочки, ни открытки. И посыльные плечами пожимали: – «Не могу знать от кого. С оказией доставлено».

В тот вечер, после приезда Степана Заречного, маменька все вздыхала за ужином: – Как же мы покажемся перед ним? Он же никогда нас не жаловал... Отец её успокаивал: – Ничего страшного. Съездим быстро и вернёмся. Надо простить ему все обиды перед уходом, да нас он пусть простит. Маша беспокойно посматривала то на маму, то на отца. Дёргала меня за рукав и шёпотом спрашивала:

– Сашенька, что случилось?

– Ничего. Отстань. Поедем завтра к деду?

– К какому, Сашенька? Скажи.

– Отстань! Скоро сама все узнаешь.

Младшая Оленька, чувствуя, что на неё не обращают внимания, и разговор за столом серьёзный, долго бычилась, сопела и, в конце концов, разревелась. Ужин не задался.

Наутро, чуть забрезжил серый рассвет, нас уже ждали во дворе широкие сани с кожаным верхом. В кузовке были постелены овчинные шкуры. Степан Заречный сидел на высоких козелках. Красивые орловские кони нетерпеливо били копытами, фыркали, выпуская облачки пара. Дорожные сундуки уже накрепко были привязаны на задке. Я попрощался с моим другом Жаном, сыном гувернёра де Бельте. Хоть он был моим сверстником, но ростом – на полголовы ниже и в плечах неширок. Жан, несмотря на раннее утро, вышел меня проводить. Стоял, кутаясь в пальто, и дрожал от холода.

– Иди уж, досыпай, – отослал я его обратно в дом. – Не на год же едем. Думаю, через неделю вернёмся.

После я заглянул в кузовок, представил, как все здесь усядемся: тут отец, там мама, а напротив сестры и я... Тесновато будет. Поразмыслив, я попросился на козелки.

– Не замёрзнешь? Путь долгий, – предупредил меня отец.

¹² Чухна, чухонцы – старинное прозвание финно-угорских народов в новгородских землях (эсты, сету, изжора и прочие). Впервые упоминается в Псковской второй летописи под 1444 г. в форме «чухно».

– Морозов ещё нет, – возразил я.
– Садись, барин, – подвинулся Степан. – Вдвоём веселее будет. Только шинелька у тебя жиденькая. Если зазимок проберёт, ты мне скажи, я тебе тулуп свой дам.
– Не замёрзну! – гордо ответил я, взбираясь на жёсткое сиденье.
– Мы готовы, трогай, – крикнул отец из саней.
– С богом! – перекрестился Степан. – Ну-ка! Пошли! – прикрикнул он. Кони тронулись.
Нева ещё до конца не затянулась льдом. Снег лежал на мостовой, укатанный санями. На фоне светлеющего неба выделялся тонкий шпиль Петропавловского собора с ангелом наверху. Степан перекрестился на ангела, вздохнул и фальшивым хриплым голосом затянул детскую песенку:

*Ангел белый, Бога вестник,
Ты приди ко мне во сне...*

Мне вдруг стало смешно от его неумелого пения. Здоровый мужик, бородатый, хриплым голосом пытается петь детскую песенку, да ещё делает это так серьезно и сосредоточенно. Я не в силах был сдержаться.

– Ну, что вы, в самом деле, барин... – обиженно пробурчал Степан и тут же сам расхохотался. – Не певец я. Что теперь? И в армии по шапке получал, за то, что пел фальшиво. Все строевую хором грянут, а я не попадаю...

– Ты и в армии служил? – я начал проникаться к нему уважением.

– Было дело. А как же? Измаил штурмовал¹³.

– Вот это да! – подпрыгнул я на месте. – И Суворова видел.

– Так, конечно. Батюшку нашего родненького. Видел.

– Расскажи! – тряс я его за рукав.

– А чего о нем? Маленький, хрупенький, но хитёр был. Построил нас полками перед штурмом, и каждому полку сказал: – У вас, ребяташки, самая важная задача. Не сдюжите, мол, опозоримся перед всей Россеей. Во, мы рванули тогда на штурм... Да, – задумался он.

– А ты? Расскажи, как все было?

– Я же в шестой колонне шёл, под началом Кутузова. Мы штурмовали ворота Килийские. Турок насмерть стоял. Батюшка, Михаил Илларионович, Суворову гонца шлёт, мол, не сдюжим, надобно прекратить штурм и отступать. А Суворов, хитрец, шлёт ему ответ: – Не могу откладывать. Я, мол, уже матушке-императрице доложил, что город взят, да вас комендантом назначил. Ох, как Михаил Илларионович выругался тогда, аж у турок уши завяли, да как погнал нас на стены...

– А я когда тебя увидел, решил, что ты разбойник.

– Я? Разбойник? – мы вновь захохотали. – Ну, барин! А с чего? Борода нечесаная али тулуп широкий?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Глаза как у нашего околоточного злые такие были.

– У меня? Злые? – и мы опять расхохотались, сами не зная, чему. Даже отец высунулся из кибитки, посмотреть: все ли в порядке.

– Расскажи о себе, – попросил я.

– Ох, а что рассказывать? Родился в Крещенках. Нарекли Степаном. У барина Петра Васильевича служу.

– А кем?

¹³ Штурм Измаила – осада и штурм в 1790 году турецкой крепости Измаил русскими войсками под командованием генерал-аншефа А. В. Суворова в ходе русско-турецкой войны 1787—1791 годов. Штурм Измаила в 1790 году был предпринят по приказу главнокомандующего Южной армией генерал-фельдмаршала Г. А. Потёмкина. Решить эту задачу не смогли ни Н. В. Репнин (1789), ни И. В. Гудович, ни П. С. Потёмкин (1790), после чего Г. А. Потёмкин поручил операцию А. В. Суворову

– А когда кем: когда конюхом, когда дворником, а когда и управляющим. Да. Бывает. Как наш Зигфрид, чтоб его волки съели, захворает, так я за него.

– А кто такой Зигфрид?

– Управляющий, он и есть. Старый немчура. А злой какой. Наверное, от этой злости вечно у него зимой хворь приключается. Лежит на перине красный, как свёкла, да платки пачкает.

– Постой. Так ты говорил: в армии служил.

– Да. В инфантерии¹⁴, потом при уланах¹⁵ ...

– Так сколько же тебе лет?

– А, ты вон про что. Не дослужил – верно. Выкупил меня барин, Пётр Васильевич. Дело такое приключилось: батюшка мой помер, а Пётр Васильевич без него – никуда. Как собирается в Псков или в Москву, так батю моего кликал. Батя из бывших моряков. Да! Строгий был, аккуратный. Не дай бог заметит непорядок какой, так дворовых оттаскает! Одна рука сухая, контуженная, но вторая – что клещи кузнечные. Да как батюшка мой помирал, уж очень просил выкупить меня из армии. Нас пятеро у него было, я – старшой. Как раз под набор рекрутский попал. Пётр Васильевич обещал, и выкупил. Вот не дослужил срок...

– Так сколько тебе исполнилось?

– Так сороковушка стукнула.

– Давно?

– А вчерась.

– Врёшь!

– Вот те, – он перекрестился.

– А чего молчишь! Хоть я тебя поздравлю, – удивился я.

– Господь с тобой, барин, – замахал он руками и нахмурился. – Нельзя сорок годов-то праздновать. Примета дурная.

– Почему?

– До сорок первого не дотянешь. Во как!

– Прости, Степан.

– Да за что?

Он потянулся к сумке, достал трубочку и принялся ее набивать махоркой. Чиркнул кремнем, раскадил, пыхнул едким белым облаком.

– Не обкурю, барин? – спросил он.

– Нет, – замотал я головой. – Кури. – Заметил в сумке газетки, аккуратно свернутые. – На самокрутки взял?

– Нет. Почитать.

– Ты и читать умеешь? – удивился я.

– Умею.

– А кто тебя учил?

– Дьякон наш. Он учил, а отец акзамены принимал. Как даст подзатыльник – быстро все вызубришь.

– Строгим был?

– Батяка то? Ох, строгий! Пришел со Шведской с рукой контуженой, но с наградами. Порядки в хате устроил, что в казарме. Строил нас братьев... С утра до вечера работали, да еще у дьякона учились. И попробуй токмо огорчить его. Ух, тяжелая рука оставшаяся. Но..., – он покачал головой. – Любили мы батюку. Разве же он зла нам желал? Вот и я вместо управленца, потому как грамоту и счет разумею. И братья мои все при деле: кто на лесопильне сче-

¹⁴ Инфантерия – пехота.

¹⁵ Уланы – наряду с гусарами род легковооружённой (в противовес кирасирам) новоевропейской кавалерии, вооружённый пиками, саблями и пистолетами. Отличительным атрибутом их формы был высокий четырехугольный головной убор (уланка или конфедератка)

товодом, кто в строительстве старшой над артельщиками, младшему барин доверяет торг вести с купцами...

– А Петр Васильевич отца твоего любил?

– Конечно. Работник из него никакой, без руки-то. Так он его ключником сделал. А отец, вояка, такую строгость навел в кладовках да амбарах – все домочадцы взвыли. Все у него было наперечёт, лишней свечи никому не даст. Повар, так вечно с ним бранился, то за чай, то за крупу...

Хмурое утро подсветило низкое небо. Московскую заставу давно миновали. Сани катили лихо. Дорогу обступил густой хвойный лес. Иногда попадались какие-то косые бревенчатые избенки, а вскоре и вообще не чувствовалось присутствие человека. Но ехать было не скучно. Хорошо, что я на козелки залез. Мы со Степаном болтали всю дорогу. Он мне очень понравился. Рассказал много, и не врал. Иногда мы горланили песни, пугая лесную птицу. Певцы из нас еще те, но никто же не слушает, кроме родителей и сестер в кузовке.

К Луге подъехали, когда местная церквушка звонила к вечерне. Ночевали в гостинице при почтовой станции. Кормили отвратительно: щами из кислой капусты и перловой кашей с жирной бараниной. Чай какой-то горький и едва темный. В спальне было холодно, хоть и печь пылала березовыми поленьями. Младшая Оленька долго хныкала на руках у маменьки, пока не заснула. Тараканы шуршали. Попискивали мыши. Обленившийся серый кот не обращал внимания на их писк. Мирно дремал у печи, свернувшись клубком.

Наутро вновь двинулись в путь.

– В Псков будем заезжать, барин? – спросил Степан.

– Давай напрямки, – предложил отец. – Болота, наверное, подмерзли. Проскочим.

– Как скажете, – согласился Степан, и тронул коней по еле заметной дороге, в сторону от Киевского тракта.

Вскоре густой хвойный лес начал редеть. Появились занесенные снегом проплешины лугов. Над болотами стелилась дымка. Кони резво бежали. Сани скрипели полозьями по снегу. Ехали и ехали...

– Ох, не нравятся мне эти тучи, – вдруг пробурчал Степан, поглядывая на низкое набухшее небо. – Сейчас как начнет тетка Матрена-едрена перину взбивать... Кабы не заплутать нам.

Вскоре и вправду закружились крупные снежинки. Горизонт неожиданно пропал в белой пелене. Степан погонял коней, сам про себя вздыхал:

– Ох, беда! Как бы с дороги не сбиться. Надо было все же до Пскова ехать.

Снег становился все гуще. Иногда складывалось такое впечатление, как будто сани стоят на месте, а вокруг нас все вертится и кружится. Начинало смеркаться.

– Степан, ты с пути не сбился? – обеспокоенно спросил отец, выглядывая из кибитки.

– Ну, что вы, барин! Я же тут каждую тропинку знаю, – с натянутым смешком ответил Заречный, но тут же нахмурился и тихо сказал мне: – Ох, барин, ты глазастей моего, смотри в оба. Нам бы ям не пропустить. Как заметишь огонек, скажи мне.

– Хорошо, – ответил я и стал пристально глядеться в крутящееся снежное месиво. В глазах рябило, но ничего не разобрать и на десять шагов.

– Ох, беда, беда, – вздыхал Степан.

Лошади начали храпеть и сбиваться с шага. Сани кренились то на один бок, то на другой. Понятно, что мы все же потеряли дорогу.

– А если к ночи не доберёмся до яму¹⁶, – спросил я.

¹⁶ Ям – почтовая станция в России XIII—XVIII веков, где содержали разгонных ямских лошадей, с местом отдыха ямщиков, постояльцами дворами и конюшнями. Ямом называли также селение, крестьяне которого отправляли на месте почтовую гоньбу и где для этого была устроена станция или стан (по-сибирски – станок).

– Господь с тобой, – перекрестился Степан. – Не допусти такого, Богородица, – и забор-мotal: – Отче наш, иже еси на небеси...

И тут я уловил какой-то звук, будто печально пропел колокол. Неужели померещилось? Нет, еще раз долетел томный гул откуда-то издалека.

– Слышал, Степан? – дернул я его за рукав.

– Ась?

– Как будто набат.

Он вслушался.

– Слава тебе, Пресвятая Мать – заступница, – перекрестился он. – Кажись, Авдеева пустынь. – Пронесло!

Набат звучал все отчётливее. Наконец в кружащей серой мгле показались призрачные огоньки. Это на колокольне монахи зажигали факела в пургу, чтобы заплутавшие путники могли найти дорогу.

Сани въехали в распахнутые ворота, где нас встретили хозяева обители и провели в монастырскую гостиницу для паломников.

Глава вторая

Вьюга бушевала уже второй день, и мы никак не могли выехать из монастыря. Отец спокойно мерил шагами темную трапезную залу. Мама наверху, в отведенной нам кельи читала сестрам «Житие святых» под мерное гудение пламени в печи. Я умирал от скуки, листая старинные монастырские книги в кожаных потертых переплетах с красочными картинками. Рассматривал древнюю буквенную вязь. За стеной завывала непогода. Тут же в трапезной двое паломников сидели в темном углу, ближе к теплой печке, и тихо обсуждали деяния апостола Андрея.

Вдруг низкая дверь резко, со скрипом распахнулась, и ввалился огромный медведь, принося с собой морозную свежесть. Язычки пламени над свечками бешено заплясали. А паломники тут же примолкли. Медведь снял высокую меховую шапку, найдя глазами потемневший образ, висевший на стене, перекрестился. За ним следом влетел человек в офицерском плаще, подбитым мехом. Дверь громко захлопнулась.

– Зашибешь ты меня когда-нибудь, Нарышкин – добродушно пробасил медведь.

– Да, уж, Яков Петрович, вас, пожалуй, зашибешь, – усмехнулся офицер и помог ему снять шубу.

Блеснули генеральские эполеты, засияли ордена на груди. На боку оказалась длинная сабля, больше похожая на палаш кирасира. Заметив меня и отца, генерал произнес:

– Позвольте представиться, генерал-майор от кавалерии, Кульнев Яков Петрович, а это мой адъютант, Нарышкин, Иван Васильевич.

– Честь имею, – откозырял адъютант, и продолжил заниматься шубой, не зная, куда ее пристроить.

Кульнев, Яков Петрович. Где-то я слышал это имя, да не раз. И лицо знакомое с густыми бакенбардами, и большим прямым носом с горбинкой. А усища какие длинные!

– Очаров, Андрей Петрович. Рад видеть вас. И весьма удивлен, встретив столь известного человека в этой дыре, – ответил на приветствие отец, пожимая лапищу генералу.

– Матушке-природе плевать, кто генерал, а кто мужик. Она знает свое дело, – усмехнулся он. – Еле дорогу нашли. Так метет, так завывает... Пойдите, – вдруг встрепенулся он. – А я вас помню. Да, конечно, встречал у Тучковых.

– Я работал под началом Алексея Васильевича...

И тут вдруг до меня дошло: этот генерал-медведь – герой, Кульнев. Да в каждой финской избе висит рядом с иконой лубочная картинка, где бравый гусар с саблей наголо громит шведов. Тот самый Кульнев, о геройствах которого ходило столько легенд... Это же он нагонял ужас на шведские войска, но настрого запрещал унижать пленных. Не раз спасал вражеских офицеров от разъяренных казаков, иным даже возвращал оружие. Помню, читал в какой-то газете, что сам Шведский король издал приказ, запрещающий стрелять в Кульнева. А знаменитый Фридрихсгамский мир¹⁷ был заключен благодаря его отважному переходу через замерзшее море. Неожиданно кавалерия, под командованием бравого генерала совершила безумный бросок по льду и оказалась у стен Стокгольма... И вдруг, вот он, живой, здесь, в этой темной

¹⁷ Фридрихсгамский мирный договор – мирный договор, подписанный 5 (17) сентября 1809 года во Фридрихсгаме представителями Российской империи одной стороны и Шведского королевства с другой. Завершил Русско-шведскую (Финскую) войну 1808—1809 годов, главным итогом которой было вхождение Финляндии в состав Российской империи на правах автономного княжества. В ходе войны Россия сумела полностью оккупировать Финляндию и разгромить шведские войска. Ещё в ходе войны манифестом Александра I к населению России от 20 марта (1 апреля) 1808 года было объявлено о присоединении Финляндии к России в качестве Великого княжества. Русское правительство обязалось сохранять её прежние законы и сейм. Юридически предшественником Фридрихсгамского мирного договора является Ореховский мир между Новгородом и Швецией от 1323 года, зафиксировавший раздел Карелии.

трапезной, пропахшей щами и свечками... Да разве такое возможно? Я невольно встал и подошел ближе. Появился монах, спросил, что генерал изволит откусать?

– А что есть у тебя, братец? – дружелюбно сказал он.

– Нынче Рождественский пост, – извиняющимся тоном сказал монах. – Если изволите: похлебку гороховую с луком и пареный овес.

Я весь вскипел от возмущения. Отважному генералу, герою Шведской и Турецкой компаний предлагать пареный овес? Но Кульнев так же просто ответил:

– И то – пища. Неси. А что-нибудь согревающее есть? Я понимаю – пост... Но, нам, войкам, можно и в пост, тем более мы с мороза.

– Медовуху, – сообразил монах.

– Неси, родимый. Выпьем во славу Господа и сей обители, приютившей нас в непогоду.

А это что за отрок? – наконец заметил он меня.

– Сын мой, Александр.

– Орел, – моя рука утонула в его широкой горячей ладони. – К какому полку приписан?

– К дипломатическому корпусу, – ответил за меня отец. – Но желает поступить в морской.

– Славно, – кивнул генерал. – Папеньку, конечно надо слушать, – он добродушно подмигнул отцу, – Но я тоже в Петербурге, в Шляхтинском кадетском корпусе обучался. Вот, до генерала дошел.

Подали суп, и генерал с адъютантом, совершив краткую молитву, принялись за еду, аккуратно поднося оловянные ложки ко рту, стараясь не замочить усы. Попросили и нас присесть, пригубить медовуху. Мне, как малолетнему, разбавили водой.

– Вот, ездил к матушке в имение, – рассказывал между делом генерал отцу. – А тут приказано срочно прибыть в Петербург. Сам Аракчеев, Алексей Андреевич¹⁸ требует. И что там случилось? Ох, не допусти господь опять нам с Наполеоном ссориться. Уж две компании ему проиграли, супостату.

– Дела неважные в Европе, – согласно кивнул отец. – Тильзитский мир¹⁹ мы не соблюдаем, продолжаем торговать с Англией. Не очень-то это нравится Бонапарту.

– Ох, уж эта Англия. Все беды России от нее. Что за союзник? Иуда – и тот надежней был. Да... Дела. – Он недовольно покачал косматой головой. – А вы нынче куда едете в такую-то непогоду?

– С отцом плохо. Призвал к себе. – Папенька перекрестился.

– Вот как? Беда. Что ж, на все воля божья. «Мы не властны над жизнью», – сказал Кульнев, доставая трубку и кисет.

Отец долго беседовал с офицерами о политике, о Наполеоне. Спорили: нападет Франция или мы первые вступим в Европу.

– А что ему? – пожимал плечами седой генерал. – Всё под ним. Одних пушек сколько. И поляков я хорошо знаю – подленький народец, сразу под его знамена станут. И на шведском престоле нынче Бернадот²⁰, маршал Франции.

¹⁸ Граф (с 1799) Алексей Андреевич Аракчеев (23 сентября [4 октября] 1769, имение отца в Новгородской губернии – 21 апреля [3 мая] 1834, с. Грузино, Новгородской губернии) – русский государственный и военный деятель, пользовавшийся огромным доверием Павла I и Александра I, особенно во второй половине царствования Александра I («аракчеевщина»). Реформатор русской артиллерии, генерал от артиллерии (1807), главный начальник военных поселений (с 1817). Первый владелец дворцово-паркового ансамбля в Грузии (не сохранился). Большой любитель муштры и фрунта.

¹⁹ Тильзитский мир – мирный договор, заключенный в период с 25 июня по 9 июля 1807 года в Тильзите (ныне город Советск в Калининградской области) между Александром I и Наполеоном после Войны четвертой коалиции 1806–1807 годов, в которой Россия помогла Пруссии.

²⁰ Жан-Батист Жюль Бернадот (фр. Jean-Baptiste Jules Bernadotte, впоследствии Карл XIV Юхан, швед. Karl XIV Johan; 26 января 1763, По, Гасконь, Франция – 8 марта 1844, Стокгольм) – маршал Франции (1804), участник революционных и наполеоновских войн, князь Понтекорво (с 1806 года), впоследствии король Швеции и Норвегии (с 1818 года), основатель династии Бернадотов.

– Но что ему делать в России? Его армия не то, что до Урала, до Москвы не дотопает.

– Да, – усмехался генерал. – Россия большая. За что люблю ее, матушку, так это за то, что в каком-нибудь углу всегда драка идет. А где драка, там и я. Но честно вам скажу: не люблю войну. Геройства, подвиги, ордена – все с кровью дается. Но Наполеон, видите ли, неумный какой-то. В Египет полез, чтобы Англии насолить. Ходили слухи, что с покойным императором Павлом он тайно сговорился на Индию напасть. Уже, говорят, казаки под Оренбургом в разведывательную экспедицию снаряжались.

О современном положении России я знал немного. По Тильзитскому миру, заключенному Наполеоном и императором Александром, Россия присоединяется к континентальной блокаде Великобритании. Европа после Аустерлицкого сражения²¹ попала полностью под власть Бонапарта. У него осталось два главных врага: Англия, с которой он никак не хотел примириться и Россия, поддержкой которой он старался заручиться. Наполеон пытался ослабить экономику Англии, подняв пошлины на колониальные товары, и пробовал возродить ремесленное производство в самой Франции. Делал это весьма напористо и неумело. Напрямую торговать Россия с Англией прекратила, но множество нейтральных судов в открытом море перегружали товары с английских кораблей и развозили по портам Европы. И в Петербурге частенько появлялись суда под флагами экзотических стран, привозившие ром, кофе, чай, сукно и множество других товаров. Обрато уходили, нагруженные пенькой, парусиной, рудой, лесом, зерном. Франции такое положение дел очень не нравилось. Но поделаться она ничего не могла, так, как флот ее был разгромлен, на море господствовали боевые корабли под английским флагом. Мало того, Великобритания стала захватывать французские колонии в Африке и Америке.

Я слушал разговор отца с генералом в пол-уха, а сам разглядывал огромную саблю, лежащую рядом с Кульневым на лавке. Она мне напоминала двуручный меч крестоносцев. Лезвие почти прямое, широкое. Рукоять огромная, точно на мои две ладони. И еще мне казалось, что сабля живая. У нее есть душа и характер. Она может любить и ненавидеть... Она знает своего хозяина, а чужому в руки не дастся...

– А как же вы ею рубите? – не удержался я от вопроса. – Она же, наверное, тяжелая.

– Ты про кого? – Удивился генерал. – Про мою подругу? – скосил взгляд на саблю.

– Можно ее посмотреть? – спросил я, как будто у хозяина злой собаки спрашивал разрешения погладить зверя.

Кульнев приложил указательный палец к губам:

– Тише! Пусть она спит. Эта трудяга столько голов порубила, что пора бы ей на ковер – отдыхать.

Сначала я хотел обидеться: что он меня за маленького считает? Но говорил он вполне искренне:

– Люблю ее, дуру. Но характер у нее паршивый. Как проснется, как завизжит, из ножен вылетая, сразу крови просит... Ну ее. Пусть спит.

На третий день нашего невольного заточения нас поднял Степан.

– Метель стихла. Можно ехать, – сказал он, вынося из трапезной наши дорожные сундуки.

– А генерал где? – спросил я, не учуяв запах крепкого табачного духа в трапезной.

– Генерал съехал еще за полночь.

– Почему же он не попрощался?

²¹ *Битва под Аустерлицем (20 ноября (2 декабря) 1805 года) – решающее сражение наполеоновской армии против армий третьей антинаполеоновской коалиции. Вошло в историю как «битва трёх императоров», поскольку против армии императора Наполеона I сражались армии императоров австрийского Франца II и русского Александра I.*

– Не хотел будить. А вам просил передать, что очень рад знакомству. Хороший человек. Я его еще с Турецкой помню. Лихой вояка. Беден, правда. Заметили, мундир то у него генеральский, а пошит из солдатского сукна.

Я спустился в трапезную – никого. Только паломники спали в углу возле печки, свернувшись калачиками на подстилках из соломы. И вдруг я заметил на столе трубку. Старую, просмоленную трубку. Так это же – генерала. Я взял ее в руки. Точно – его. Простая, вересковая, с коротким мундштуком. Надо же! Наверное, расстроится, когда не найдет. Да вряд ли вернется. Его же в Петербурге ждут по срочному делу. Я спрятал трубку в карман своего пальто.

Звезды ярко горели в чистом утреннем небе. У горизонта белесой полосой отметилась хвостатая комета, словно художник по темно-синему фону мазнул случайно кистью с белой краской. Двое паломников в черных длинных зипунах, с котомками за плечами крестились и шептали молитву. Один из них, как бы невзначай, обратился к нам, указывая на комету:

– Знак божий на небе. Ох, беде быть. Ох, к гибели.

– Чего раскаркался? – рыкнул на него Степан. – К беде, к гибели. Ну-ка пошел своей дорогой. Без тебя тошно.

– Вот, не веришь, мил человек, а я то знаю...

– Топай, – повысил голос Степан. – Протяну сейчас тебя кнутом по хребту – будет тебе погибель. Гадатель нашелся. Знает он...

– Оставь его, – попросил отец. Протянул паломнику золотой червонец. – Помолись за нас и за Отечество.

– Благодарствую! – скинули божьи люди свои суконные шапки и кланялись в пояс.

– Ух, бездельники, – проворчал Степан, сплюнул и тронул коней.

– И вправду, комета к беде? – спросил я, кутаясь в пальто.

– Ну, барин, такое у меня спрашиваешь. Чай умней мужика будешь.

– А все же, как по твоему разумению? – не отставал я.

– Кто ж его знает, – задумался он. – У бога для нас все дорожки кривенькие. Чему быть – тому не миновать.

Я все глядел на комету с причудливым расширяющимся хвостом. Вроде, ничего в ней страшного, даже красиво. Но что в себе таит этот знак божий? А вдруг и вправду – к беде?

– Да брось, барин, думать о несчастьях. Мало ли, что эти бродяги придумывают, – недовольно пробурчал Степан. – У них вечно: беда, погибель... Хочешь, я тебе песне одной научу про Стеньку Разина?

– Ты что! – ужаснулся я. – Знаю я эту песню. За нее тебя кнутах отходят.

– Так нет же никого. Степь кругом, – усмехнулся он.

И мы, что есть мочи, надрывая глотки, грянули: «Из-за острова на стрежень...»

К вечеру пошли ровные заснеженные поля. Дорога чищенная, укатанная. Проехали через небольшой сонный городок с унылой церквушкой. Вскоре показалась на пригорке большая усадьба. Красивый дом в два этажа с высокими окнами и двумя флигелями. Насколько я разбирался в архитектуре, усадьба была построена давно, но флигели имели совершенно другой стиль, более современный.

– Это она? – изумился я. Конечно, предполагал, что барский дом в Крещенках должен быть большой, но тут – целый дворец...

– Она, – гордо подтвердил Степан. – Крещенки. Да, хоромы. Это не ваш тесный домик в Петербурге.

Мы проехали сквозь аллею из стройных, ухоженных елей. Сани подкатали к полукруглому подъезду с высокой парадной лестницей. Античный портик поддерживали стройные коринфские колонны. Я открыл рот от изумления: как все здесь было величественно, словно

у стен Эрмитажа. Лакеи в красных ливреях и в напояженных париках встречали нас. Горели фонари с сальными свечами. Все торжественно и важно.

Пока маменька и сестры вылезали из саней, на пороге показалась высокая статная женщина. Отец подошел, поцеловал ее бледную костлявую руку. Она тут же бросилась к нему на шею и разрыдалась.

– Кто это? – тихо спросил я у маменьки.

– Тетка твоя из Москвы, Мария, нынче графиня Преображенова.

Наконец женщина оторвалась от папеньки, с плачем обняла матушку. После вытерла слезы и с притворным удивлением стала восхищаться, какой же я большой. С облегчением вздохнул, когда она переключила внимание на сестер. Меня познакомили с мужем ее, графом Преображенным. Он оказался невысокого роста, пузатенький и в летах. Намного старше отца. У него были пухлые, холодные руки, дышал он шумно. От широкого бугристого лба к макушке тянулась проплешина, поросшая жиденькими волосами. Зато бакенбарды густы и ухожены. Три кузины: старшей на вид лет шестнадцать; вторая примерно моего возраста; младшая – Машина ровесница. Они показались мне некрасивыми и какими-то усталыми. Мою сестру Машеньку я не считал красавицей, но и то, у нее всегда были живые глаза; а задорная улыбка, казалось, вот-вот прорежется на розовошем личике. Кузины же казались какими-то облачными, хмурыми, как осенние лужи на мостовой, к тому же костлявыми, уж точно не в отца.

Мы прошли в большой темный зал, где пахло ладаном и горячим воском. Народу – не протолкнуться. С высокого расписного потолка свисала тяжелая хрустальная люстра. Кругом горели свечи. Священники в праздничном облачении вели службу. Посреди залы, на постаменте стоял деревянный гроб, украшенный резьбой. Тетка Мария положила сзади мне руки на плечи и подвела ко гробу. Старик с крупными чертами, бледный, разрумяненный, с подкрашенными черными густыми бровями, покоился на белой атласной подушке. Седая грива была густо напояжена. Бакенбарды тщательно расчесаны. Толстые восковые руки сложены на груди. Свечка горела, потрескивая. Воск стекал и застыл на окоченевших пальцах. Огромный перстень с красным рубином сиял на руке. Я так понял, это и был мой предок. У меня не возникло никаких эмоций: скорби или жалости, только небольшое отвращение, ко всему, что связано со смертью. Тетка Мария мягко надала мне на плечи. Я наклонился и поцеловал локоть покойного.

– Во имя Отца и Сына... – прошептала она, и отошла со мной в сторону, где стояли отец, мама. К маме жались сестры с испуганными лицами.

– Вьюга нас задержала, – произнес отец, как бы оправдываясь.

– Да, знаю, – согласилась тетка. – Видать, на все воля божья. Он тебя очень хотел видеть. Не дождался. Но умер спокойно, во сне.

– А Василий? – огляделся отец, ища кого-то. – Где брат?

Тетка Мария вздохнула, развела руками.

– Послали за ним... Не приехал еще. Но ждать не будем. Завтра схороним. Уже в склепе место подготовили...

После похорон, в большом обеденном зале накрыли столы. Множество окрестных помещиков с семьями съехались на поминки. Меня представляли старикам в старомодных платьях, пропахших нафталином. Те вздыхали, говорили, каким был замечательным покойный, как честно служил отчизне. Наставляли, чтобы я помнил о нем и подражал во всем великому деду. Старушки, с пожелтевшими от времени кружевами, пускали слезу и шептали слова соболезнования. Когда последний гость прошел к столу, дабы помянуть усопшего, я попросил отца отпустить меня подышать на улицу. Ужасно утомили все эти нудные церемонии. Да и в зале дышать было невозможно от чада сальных свечей и приторных духов старушек. Отец согласился.

Обходя заснеженный парк в английском стиле, я набрел на низкое длинное строение конюшни. Какова же была моя радость, когда я увидел Степана. Он, скинув полушубок, в одной длинной холщовой рубаше, подпоясанной красным кушаком, гонял по кругу великолепного гнедого скакуна. Таких стройных коней не у каждого вельможи увидишь. Грудь широченная. Ноги высокие. Шел гордо, стремительно.

– Ай, да красавчик! – подбадривал его Степан, все больше отпуская длинный повод. – Ну же! Дай огня! Ох, чертяга!

Конь храпел, высоко подбрасывал копыта, разбрызгивая снег. Увидев меня, Степан коротко поклонился:

– Здравие, барин.

– Кто это? – спросил я, любуясь скакуном.

– Это? О-о! – многозначительно протянул он. – Чудо нерукотворное. Гром его звать. Ваш дядюшка Василий, улан лихой, его в карты у какого-то венгра выиграл. Тот после чуть пулю себе в висок не пустил, до того коня жалко было. А денег нет – проигрыш отдать.

– А что же дядька его в конюшни держит? В армию с собой не взял?

– Жалко, говорит. Да разве такому красавчику можно в конюшне застаиваться? Ему воля нужна, простор...

– Степан, а мне можно на нем проехаться?

– Ох, барин. Узнает дядька, Василий Петрович, браниться будет...

– Я же его не загоню. Я хорошо в седле держусь, – начал канючить, уж так хотелось промчаться на этом высоком чудо-коне. – Немного, только до леса...

– Ай, давай, – поддался Степан на уговоры. – Сейчас оседлаю, да свою кобылку тоже. Проведаем окрест, – подмигнул он мне и повел Грома в конюшню.

Вскоре я взобрался в седло, погладил коня по крутой упругой шее и тонул. Умное животное все понимало. Даже не приходилось работать поводом. Чуть сжал бока, и он перешел на рысь, а потом – в галоп. Летел так быстро, аж дух захватывало. Степан на своей поджарой пегой кобыле еле поспевал. Я отпустил поводья, давая коню полную свободу. Вот это бег! Вот это счастье – мчаться с ветром наперегонки! Чувствуя, под собой ступок силы. Дробь от копыт отдавалась в животе веселым стуком. Я и конь – единое существо, сильное, быстрое, непобедимое!

Поля заканчивались. Впереди чернел густой сосновый лес, который надвое резала неширокая дорога. У самого леса ютилась деревушка, утопающая в снегу. Хаты – белые бугорки, из которых торчали дымящие трубы. По дороге из леса шла вереница людей. Подскакав ближе, я увидел девок, лет двенадцати-четырнадцати в пуховых платках и овчинных тулупах. Заметив меня, они сбились в кучу, о чем-то шушукались, после задорно рассмеялись.

Я придержал коня. Он недовольно захрапел, но сбавил шаг. На меня уставилось с десяток горящих, любопытных глаз.

– День добрый, барин, – сказала самая бойкая.

– И вам Бог в помощь, – ответил я, стараясь говорить твердо.

– Неужто теперь вы у нас будете за хозяина?

– Возьмете в горничные? – весело спросила другая, рыжая, веснушчатая.

Они вновь прыснули, а я почувствовал, как густо краснею.

– А ну, пигалицы, брысь по хатам! – гаркнул Степан, подоспев мне на подмогу.

– Ой, Степан Фомич, мы же на барины молодого только посмотреть хотели...

– Вот, Парашка, я твоему родителю скажу, чтобы он по заду тебе валенком отходил.

– За что это?

– За язык длинный.

– Прощайте, барин, – поклонились девки и со смехом побежали дальше.

– Зачем ты с ними так строго? – пробубнил я смущенно.

– Строго? – насутился Степан. – Этим бестиям только дай волю... Язык без костей, да дурь в башке.

Навстречу попался низенький возок, запряженный старой клячей. На возке покачивалась куча хворосту. Извозчик шел рядом с лошадкой. Мальчишке было лет восемь, в зипуне, явно не по росту, в огромных валенках. Войлочная шапка надвинута на глаза. На плече он нес большой старинный пистолет.

– Эй, малец, – окликнул его Степан. – Ты никак Сольцов, младший?

– Оно – так, – ответил мальчик, поправляя шапку. Увидев меня, поклонился: – Здравсте.

– Это что у тебя за пужало? Кто разрешил?

– Староста дал, – ответил малец, снимая пистолет с плеча.

– И зачем он тебе?

– А позавчера Дыбовы, графья, охоту в лесу устроили на лося, да медведя подняли из берлоги у Красной горки. Он по лесу теперь шатается.

– И что, ты этим пужалом убить его вздумал?

– Я, так... Вдруг на дорогу выйдет, так я его щас, – он сделал вид, как будто прицеливается в зверя. – У меня здесь жакан.

– Жакан у него. Дурень, – выругался Степан. – Ты хоть удержишь его?

– Удержу, – обиженно ответил мальчишка.

– Чертенюк, ну-ка домой ступай быстрее. А старосте скажи: я ему голову сверну за то, что сопляку такому пужало доверил.

– Что ругаешься, дядь Степан? Думаешь, я стрелять не умею?

– Дурень, у тебя кремния нет в затворе. Как ты стрелять вздумал? Марш домой, тебе говорю.

– Че встала? Но! – грозно прикрикнул мальчишка на лошаденку, и широко зашагал дальше.

– Беда, барин, – недовольно покачал головой Степан. – Медведь-шатун дел может натворить. Поломает кого, а то и на почтовых набросится. Эй, малец, – обернулся он к маленькому извозчику.

– Ну, че? – недовольно откликнулся тот.

– Федор знает про медведя?

– Наверное. Ему-то первому сказали.

– Кто такой, Федор? – спросил я.

– Охотник наш, Березкин. Надо, барин, к нему заехать.

– Конечно, поехали, – согласился я.

За покосившейся плетенью курилась низенькая хата с соломенной крышей. Из хозяйственных построек – только кривая сараюшка да нужник в конце огорода из почерневших досок.

– Федор, пугало огородное! Ну-ка выглянь! – крикнул Степан.

Косая дверца скрипнула, и к нам метнулась черная лохматая собака, хрипло залааяв.

– Цыц, курва! – вслед за собакой появился невысокий, коренастый мужичек. – Чего орешь, как на пожар? – Недовольно крикнул он. Заметив меня, поклонился: – Доброго здавица, барин.

– Про медведя слыхал?

– А как же. Вот, собираюсь.

– А с кем пойдешь?

– Один. С кем еще?

– Сдурел?

– Так, кого брать? Дьяка, что ли? Или твоих лакеев ряженных из барского дома? Так они в рейтузах дорогих. Обделают, как косолапого увидят, потом не отстирают.

– А мужики где?

– Здрасте – нате, – развел руками мужичек. – Зима. Все на заработки подались: кто в Псков, кого в Петербург отрядили. Вон, на заимке дальней лес валят. Одни старики, да дети малые по хатам сидят.

– И что теперь?

– Что? Цыплячье какчто, простите, барин за мою латынь. Вот, ружжо наострил, пойду.

– Поготь, давай, хоть я с тобой. Рогатина²² имеется.

– А как же. Сдюжишь? Штаны широкие?

– Не бойсь. Я перед янычарами не дрейфил. Те пострашнее твоего косолапого.

– Давай, – коротко согласился Федор.

– Дозволь, барин, тебя проводить, да... вот вижь, работенка подвалила, – начал извиняться Федор.

– И я пойду с вами, – решил я. Не хотелось мне в доме сидеть на этих нудных поминках. Взрослые сами с собой, а меня опять к сестрам подсадят... Кузины на меня будут таращиться, как овцы на сено, Маша приставать со всякими глупыми вопросами, Оленька хныкать...

– Что ты, барин, – заговорили разом мужики. – Мы же в лес. Пехом по сугробам. Да там зверя травить...

– Я с вами! – твердо сказал я. – Ружья есть в усадьбе?

– Так там целая оружейная, – почесал затылок Степан. – Мне-то немчура – управляющий не даст, а вам-то – другое дело... А че, Федор, в два ружья – он спокойней, – обратился он к охотнику.

– Ой, смотри, барин, – предупредил Федор, – это не псами зайцев травить. Мядведь!

– Я не буду вам обузой, – пообещал я. – И стреляю хорошо.

Степан поставил лошадей в конюшню. Провел меня в дом с заднего крыльца. В зале все еще проходил поминальный вечер. Горели свечи, пахло жареным мясом и ладаном. Гости тихо переговаривались, стучали вилками и ножами по тарелкам.

– Зигфрид Карлович, – позвал я управляющего. – Откройте оружейную.

– Зачем изволите? – вежливо поинтересовался немец, с настороженностью взглянул на Федора: что, мол, еще затеял, непутевый?

– Мне нужно ружье для охоты, – объяснил я.

– О, как вы можете, – скорчил он плаксивое лицо и чуть не пустил слезу. – Все скорбят об ушедшем графе, а вы будете развлекаться охотой?

– Не твое дело, – прорычал из-за моей спины Степан. – Барин сказал: надо ружье, – иди и открой.

– Не смей мне указывать! – покраснел от гнева немец.

– И все же, я настаиваю, – твердо сказал я.

– Прошу следовать за мной, – обиженно произнес управляющий, задрал кверху свой крючковатый нос. – Но знайте, я доложу вашему отцу.

– Это ваше право, – согласился я.

В полутемной комнатке стоял огромный резной шкаф. В углу покоились рыцарские латы. Рядом стойка с саблями и шпагами. Пики, по виду – уланские, а может еще со времен стрельцов.

– А где ружья? – спросил я.

– В шкафу, – прогундосил немец, отпирая ключиком тяжелую дверцу.

²² *Рогатина (рогатыня)* – славянское тяжёлое копье для рукопашного боя или для охоты на крупного зверя. Отличается большим широким обоюдоострым наконечником. Согласно словарю Даля, «рогатина – род копья, долгого бердыша, широкий двулезный нож на древке; ...с рогатиной ходят только на медведей, приделывая к древку, под копьём, поперечину, за которую медведь сам хватается, когда лезет на рогатину. Рогатеник, рогатник – воин либо охотник, медвежатник с рогатиною».

Вот это – да! Чего тут только не было! Отличные пистолеты с гранеными стволами, штуцера с позолоченными рукоятками, ружья длинноствольные и короткоствольные, кавалерийские карабины, даже фузея была старинная, наверное, еще с петровских времен, чуть ли не с меня ростом...

– Да, любил барин, Петр Васильевич оружие, – с уважением произнес Степан. – Вот, насобирал.

Я сразу увидел то, что мне надо! Отличное ружье с надежным боевым механизмом. Ствол длинный, но тонкий. И цевье удобное.

– Вот это!

– Ух ты! – одобрил мой выбор Степан, – А ты, барин, разбираешься. Это ружишко тульское. Во, видишь табличка бронзовая? Эту пужалу специально графу сам мастер Соколов делал. Восемь канавок нарезал в стволе.

– Оно не подойдет вам, – с видом знатока выразил свое мнение немец. – Видите, какой ствол длинный. Если много насыпать порошу, будет сильная отдача. И целиться из него надо уметь. Возьмите лучше английский «энфилд». Надежнее ружья нет.

– Ой, много ты понимаешь, – махнул рукой Степан. – Ствол ему не такой. Да лучше туляка – ничего не сыщешь. Вон, гляди затвор какой. Где ты на «энфильдах» такие механизмы видел?

– Его возьму, – настаивал я, взвешивая на руке тульское ружье с полированным ореховым прикладом.

– Картуши²³ вон те, – указал Степан на кожаную лядунку²⁴ с зарядами.

– Как угодно, – услужливо поклонился немец.

– Шпагу, наверное, надо еще? – спросил я у Степана.

– Гы, – оскалился он, показывая крепкие зубы. – На медведя со шпагой? Тесак надо. Вон тот, – указал он на стойку в углу, где покоилось холодное оружие. Достал из нее широкий испанский кинжал длиной в локоть.

Вооружившись, мы прошли в буфетную и набили торбу съестным: хлеб, сало, пирожки какие-то, то ли с грибами, а может с капустой...

– Барин, Александр Андреевич, табачку бы еще, – взмолился Степан. – У Федора одна махра. Горло дерет, что, ежа проглотил.

Мы поймали буфетчика, снующего с графинами, и приказали дать нам табаку, да не какую-нибудь заплеснувшую пачку, а свежего.

– Ох, что вы, что вы, – обиделся буфетчик. – Графу из лавки купца Алексеева турецкий табак всегда привозили. Плохого он не курил.

Федор уже ждал нас на окраине леса со своей лохматой собакой.

– На, – вручил он Степану короткую пику с небольшой перекладной у наконечника. – Ого, барин, хороша пужало, – оценил он ружье. Вот с таким-то стволом – да!

Он вздохнул, поглаживая свою старую фузею²⁵.

– Пошли уж, – поторопил его Степан. – Скоро смеркаться начнет.

– Успеем, – успокоил его Федор. – Мельник медведя на старой засеке видел. Это как раз возле моей лесной сторожки.

– Постой, – вдруг забеспокоился Степан. – А как твоя Марфа поживает?

– Сплюнь! – ни с того, ни с сего разозлился Федор, – Что енту заразу вспоминаешь. Два года, как сгинула. Не является. Может, сдохла, мож прибил кто...

²³ Картуш – бумажная трубка с пороховым зарядом и пулей

²⁴ Лядунка (нем. *Ladung*, от *laden* – заряжать; букв. «зарядница, патронница») – специальная сумка, из комплекта снаряжения, предназначенная для боевых припасов

²⁵ Фузея (польск. *fuzja*, также фузия от фр. *Fusil*) – дульнозарядное гладкоствольное ружье с кремнёвым замком

– Это вы про кого? – поинтересовался я.

– Это любовь его давнишняя, – засмеялся Степан.

– Не кликай беду, – еще злее огрызнулся Федор. – Сбереги нас, Богородица. – Он перекрестился.

Мы шли сквозь сосновый бор, проваливаясь по колено в сугробы. Ружье становилось все тяжелее и оттягивало плечо. Федор – знай себе – шустро вышагивал впереди, прислушиваясь к лесу. Его лохматая собака мелькала где-то меж серых стволов. Вдруг она подняла отчаянный лай. В ответ раздался рев.

– Все! Нашли, – обрадовался Федор.

– Ну, я пошел, – тихо сказал Степан, хватая рогатину обеими руками.

– Ага, давай. А мы сбоку зайдем. И раньше времени рожон ему в рыло не совай, – настаивал Федор.

– Знаю я, наставник хренов, – огрызнулся Степан. – Ты сам-то смотри не промахнись...

– Ох, ох! – подразнил его охотник.

Мы с Федором полезли в лядунки, у Федора была старая, солдатская, медная, вытащили по картушу. Я, подражая охотнику, зубами надорвал бумажный край картуша. Немного порошу сыпанул на полку затвора, остальное – в ствол с пулей. Пыж сверху и шомполом утрамбовал.

– Сохрани и помилуй..., – перекрестился Федор, и мы осторожно двинулись на лай.

Здоровый грязно-бурый медведь вертелся, пытаясь зацепить лапой собаку. Но та шустро уворачивалась, пытаясь забежать сзади и цапнуть зверя за ляжку.

– Сейчас Степан его подымет, так ты в голову пали, барин, – шепнул мне Федор и сам устроился чуть сбоку, наведя фузею на медведя.

Появился Степан. «А ну! А ну!» – закричал он, держа перед собой рогатину. Медведь двинулся к нему, тяжело переваливаясь. Степан отпрыгнул на шаг назад. Медведь поднялся на задние лапы, громко заревел...

– Пали! – крикнул Федор, и я спустил курок.

Ружье бахнуло. Впереди все заволокло дымом. От отдачи я сел в снег...

– Эх, барин! – недовольно воскликнул Федор. Его фузея гулко ухнула. Он тут же бросился вперед. Я за ним.

Огромная бурая туша неподвижно лежала на снегу. Собака бегала вокруг и радостно лаяла. Степана нигде не было.

– Где Степан? – испугался я.

– Вон он, вытаскиваем.

Я заметил, как под медведем что-то шевелится. Федор схватил за руки, я за зипун, вытащили окровавленного Степана. Я едва не потерял сознание при виде крови.

– Что с ним? – закричал и чуть не расплакался.

– Да – ни хрена, – махнул рукой Федор. – Это кровь не его, мишкина.

Степан сел, схватил обеими руками горсть снега и обтер лицо, бороду. Собака подбежала и принялась слизывать кровь с его лба.

– Да иди ты, – отмахнулся он и тяжело поднялся. – Что ж ты, гад... – Набросился на Федора, – раньше пальнуть не мог... Он как прыгнет на меня...

– Ой, ты, – издевательски смеялся Федор. – Портки запасные не взял? А то всю дорогу ароматить будешь.

– Да, ну тебя.

– А где рогатина, – в свою очередь упрекнул охотник Степана. – Сломал? Что ж ты. Я же тебе говорил: в землю упри.

– Где я тебе землю найду. Вишь – снег кругом.

– Ладно, – успокоился Федор. – Надо шкуру снять. Ох, прости, Михаил Потапыч, но мы тебя разденем. Шкурка тебе нынче ни к чему, а барину – шубу справим. Ой, барин, а куда ж ты целился?

– В голову, как ты велел, – ответил я.

– В голову? – Федор нагнулся над тушей, внимательно ее разглядывая. – Так ты мишке в попу попал. Вот он от боли на Степана и кинулся.

Тут охотник расхохотался, за ним Степан и я.

– Лады, сейчас мы его расстегнём, – сказал деловито Федор, доставая широкий нож с костяной рукоятью...

Он чуть не выронил тесак... Жуткий утробный вой покатился по лесу. У меня у самого затылок свело. Что это?

– Ноги! – прошипел охотник, хватая оставленное ружье. – Скорее, вон к тому пригорку.

Мы кинулись вслед за ним, бросив медвежью тушу.

– Что случилось? – пытался я выяснить на бегу.

– Беда, – ответил Степан, помогая мне выбраться из сугроба. – Потом расскажу, если живы останемся.

– Сага! Давай! Пошла! – скомандовал Федор собаке, и та понеслась куда-то в сторону. Обернулся к нам. – Что вы там плететесь. Шевелите ходулями. Сага отвлечет их.

Мы бежали по лесу, увязая в сугробах, падая. Грудь разрывалась от холодного воздуха. Ног совсем не чувствовал. Сердце колотилось где-то в горле. Наконец, взобравшись на пригорок, мы чуть не кубарем скатились вниз по откосу. Небольшой домик едва виднелся в снегу на широкой поляне. Дощатую дверцу подпирала увесистая колода. Втроем еле спихнули колоду с места и ввалились в сторожку. Пахло сыростью и затхлостью.

– Дверь, дверь надо подпереть, – беспокоился Степан.

– Погодь. Сагу дождемся, – остановил его Федор.

Мы все, втроем, выглядывали сквозь приоткрытую дверь наружу. Сумерки опускались на лес, и все ступеньвалось серым. И чего мы переполошились? Удирали, сломя голову. Никого же нет. Вдруг с пригорка, с которого мы только что скатились, к нам метнулась черная тень.

– Сага! Давай! – закричал Федор.

Собака влетела в домик, чуть не сбив нас, забила в угол и жалобно заскулила. А на пригорке показались серые силуэты.

– Что это? – не понял я.

– Волки, – коротко ответил Степан.

– Надо их отогнать, – предложил я.

– Как?

Я быстро зарядил ружье, отодвинул Федора от двери... Но на пригорке уже никого не было.

– Ага, – усмехнулся невесело Федор, захлопывая дверцу, – Сейчас они под дуло будут подставляться. Эти твари умные. Ты порошу сыплешь, шомполом скребешь, а они этот звук уже знают.

– Что будем делать? – спросил я.

– А я почем знаю, – Федор чиркнул кремнем, раздул лучину. – Сидеть здесь.

Убогую хижину осветил огонек лучины. Простой покосившийся сруб. Крыша, крытая тесом. Пол земляной. Что-то наподобие лежанок из тонких жердей у стен. Посреди круг булыжников с золой. В углу нашлись, припасенные, сухие березовые поленья. Степан развел костер. Дым заполнил хижину, но быстро улетучивался сквозь щели в крыше и через дыру над дверью. Мы перекусили тем, что захватили в дорогу. Степан вынул трубку и принялся набивать табаком. Федор полез за своей. Принюхался.

– Чего, это, табак у тебя какой сладкий, – сказал охотник. – Дай-ка щепоть.

Он взял у Степана турецкий табак, нюхнул, деловито произнес:

– Не, не крепкий. С махрой надо смешать.

– Набей и мне, – попросил я Степана и протянул генеральскую трубку.

– Тебе, барин, с махрой или чистый табак?

– Давай с махоркой.

Я затянулся едким дымом. Точно, как будто ежа проглотил. Меня чуть не вывернуло от кашля.

– Аль не курил ни разу, барин? – усмехнулся Федор.

– Нет, – еле смог выговорить я.

– Осторожней с этой дрянью...

Он не договорил. Вой послышался снаружи, совсем рядом, протяжный, тоскливый, угрожающий. Ему ответил такой же, с другой стороны. Еще и еще голоса вливались в эту страшную песню.

– Она? – хмуро спросил Степан у Федора.

– Она, – невесело согласился охотник. – Марфа – тварь.

– Расскажите, что за Марфа? – потребовал я. Мне было страшно. На лицах моих товарищей я тоже видел страх.

– Это он ее так прозвал, – Степан кивнул в сторону охотника. – Любовь его давнишняя.

– Ну, что ты треплешь, – сплюнул Федор. – Дело было годков семь назад. Волки в нашем лесу объявились, да овечек стали резать. Тогда мы с мужиками сделали облаву, да барин помог с собаками. Волков постреляли. Все наладилось. А я ходил как-то по лесу, капканы проверял, да набрел на волчье логово. Волчицы не было – одни щенки. Ну, я, как водится, их и перебил. А через день, утром вышел во двор – ахнул. Все утки, все куры... Собаку нашел свою с горлом перекушенным.

Взял я ружжо и пошел в лес. Ох, дня три мы плутали. То я по ее следу, то она по моему. Подкараулю. Вот она – сволочь серая. Только ствол наведу, – эта, как чует, – шмыг в кусты. Потом пропала. Зимой пришла со стаей. Опять собрал я мужиков с собаками – и в лес. Целый день гонялись. Пару серых разбойников подстрелили. Вечером вернулись в деревню, а волки там уже побывали. В двух дворах коров зарезали. Тогда-то я эту Марфу приметил. До чего умная, сволочь. Когда чувствует, что ее загоняют, заставляет кого-нибудь из стаи на охотников бросаться, а сама уходит. Летом пропадает, а зимой вновь появляется. Однажды меня подкараулила у самой дороги. Как, сволочь, учуяла, что у меня заряды для ружья кончились – понять не могу. Видать ей черт-брат. Я как белка на сосну вскарабкался. Цельную ночь прокуковал. Сидел, обнявши ствол, дрожал от страха и холода, а волки все прыгали, стараясь меня достать, зубами клацали, подвывали. Ох и натерпелся я тогда... Хорошо, утром обоз фуражный шел с охраной. Солдатики спугнули стаю, да меня с сосны сняли еле живого, водки залили в горло, да до дому подвезли.

– Так, а нам что делать теперь? – как-то мне стало не по себе от его рассказа.

– Утра дожждаться надо, – поразмыслив, сказал Федор. – Утром, может, уйдут. При свете и целиться сподручней. Сейчас разве их разглядишь?

– В два-то ружья – прорвемся, – подтвердил Степан.

– В одно, – мрачно поправил Федор. – Вон, гляди, пружина взводная на моем сломалась.

– Что ж ты, едрить... – выругался Степан.

– А кто ж знал? Ружжо старое. Моя фузея еще в Шведскую воевала.

– В Шведскую! Да хоть в Татарскую... Следить надо.

– Я слежу...

– Не ссорьтесь, – попросил я. – Федор, ты лучше стреляешь, возьми моего туляка, а мы с ножами, да с головешками.

– Спасибо, барин, – просиял Федор, поглаживая цевью моего туляка. – Знатное. С такого не промажешь..., – он прислушался к вою. – Вот, это Марфа петь начинает. Я ее голосок из тыщу различу. Недобрая охота получилась, – вздохнул он. – Дьявол по наши души пришел.

– Да с чего ты брешь? – недовольно спросил Степан, улегся на лежанку из жердей и отвернулся к стенке.

– А, вот, погляди: мы ушли охотиться даже не помолясь, ни свечку у иконки не поставили. Рогатину сломали. Пружина в затворе лопнула... Вот, чего ей лопнуть-то именно сейчас?

– Ой, хватит тебе, – отмахнулся Степан. – И так тошно.

– Во-о! – не унимался Федор. – Где-то тут чёрт ходит. Его проделки. И Марфа из его слуг.

Несмотря на все переживания и страхи, я как-то неожиданно провалился в дремоту. Среди ночи очнулся, и сразу не смог понять, где нахожусь: холодно, темно. Угли еле тлеют на полу. Воняет чем-то. Я понимал, что просыпаюсь, но до конца еще не проснулся... Вдруг ужас заставил меня похолодеть. Я явственно почувствовал, что на меня кто-то смотрит. Смотрит сквозь стену, видит меня, слышит мой страх. Я потянулся к кресту на груди, но рука не слушалась. Кое-как поднял ее к животу. Хотел прочитать «Отче наш», но язык не ворочался. А страх давил, словно мешок с песком. Дыхание перехватило. Несмотря на холод, я покрылся потом. Хотел закричать, но лишь захрипел и окончательно очнулся. Сел, вжавшись в угол. Страх отпустил не сразу, словно волна медленно откатывает от берега.

Я попытался прийти в себя. Похлопал по щекам. Ну и дурак же, так напугаться. И тут услышал скрип снега прямо за дверью. Кто-то очень осторожно подошел к сторожке. Это не человеческие шаги. Вспомнилось причитание Федора про дьявола. Сердце тяжело ухнуло и замерло. Мне нельзя бояться, – вдруг прорезалась мысль. Я – крещенный. Я – православный. За мной – Бог. Мое оружие – молитва. Христос смог победить дьявола в пустыне, и я должен идти по его стопам. Нельзя бояться! Страх расшатывает веру! Именно так наставлял меня духовный отец Никодим.

Я решился на безумный поступок: выйти наружу и смело встретиться лицом к лицу с тем, кто пришел за нами. Пусть там сам дьявол. За мной войско ангелов и святой Георгий. Я медленно поднялся. Во имя Отца, Сына и Святого духа... На негнущихся ногах пошел к двери. Почему собака не лает?

– Сага, – позвал я. Она жалась к Федору и смотрела на меня жалостливыми глазами. – Сага, пошли, – поманил я. – Собака заскулила и задрожала всем телом. – Федор, – шепотом окликнул я. – Степан. Степан, вставай. – Тишина.

Как будто кто-то посмеялся надо мной: «Они не проснутся, сколько не буди». Значит, мне выпал жребий... Какой жребий? Что я должен сделать? Я попробовал снять запор с двери. Руки дрожали. Глубоко вдохнул, задержал дыхание и попытался собрать все душевные силы. Дверь чуть приоткрылась. Ну! Вот он – я! Подходи, кто бы ты ни был! Я никого не боюсь! Пахло морозной свежестью леса. Створка открылась шире...

За дверью – никого. Огромная луна висела над черными верхушками сосен. Поляна перед сторожкой казалась тарелкой с манной кашей. На пригорке что-то зашевелилось. Меня прошиб озноб. Две красные точки блеснули в темноте. Что первое пришло в голову – броситься назад в сторожку, запереть покрепче дверь... Нет! Я должен выдержать испытание, посланное мне Господом.

Серая тень с горящими глазами медленно двинулась в мою сторону. За ней еще одна, и еще... Сколько же их?

Наконец я хорошо рассмотрел в холодном лунном свете большую волчицу. Она остановилась в десяти шагах от меня и оскалила пасть, показывая огромные белые зубы. Жесткая шерсть на холке встала дыбом. Я явственно почувствовал ее желание: вцепиться мне в горло. Лишь только исчадие ада заметит, что меня одолел страх, хоть на капельку – мне конец.

– Что тебе надо? – тихо произнес я, пристально глядя в два кровавых огонька.

Она оскалилась еще больше, высовывая широкий синеватый язык. Я почувствовал ее смрад: запах псины, дикости и смерти. Вот она – совсем рядом. Этот порог, переступив который – уже не возвращаются. Один неверный шаг – и я там...

Очень осторожно я распахнул тулуп и вынул испанский тесак из-за пояса. Волчица тут же припала на передние лапы, готовая ринуться в схватку. Но я отбросил нож в сторону и показал открытые ладони.

– Видишь, у меня ничего нет?

Она выпрямилась и прекратила скалиться.

– Что ты хочешь? Крови? Тебе мало? Я знаю все: твоих волчат убили, но и ты много бед натворила людям. Пора остановиться. Леса большие. Ты можешь жить в глуши, и никто тебя не тронет. Хватит мстить! Мы не для того живем на свете.

Волчица стояла неподвижно, как будто вслушиваясь в мои слова. Она втянула носом воздух, повернулась и затрусилась в лес. И вся стая последовала за ней.

Ничего не соображая, я зашел в сторожку, подпер дверь и улегся на прежнее место. Собака подошла ко мне, улеглась рядом, преданно положив голову на мою грудь. Я тут же забылся.

Сквозь ускользающий сон услышал голоса:

– Да где же? – спрашивал Степан. – Где?

– А я почему знаю? – недовольно отвечал Федор.

Я приоткрыл глаза. Почувствовал, что ужасно замерз. Угли в очаге давно остыли, а эти горе-охотники еще дверь приоткрыли, впуская утренний мороз.

– Да вон, шевелится что-то, – указывал Степан.

– Где шаволится? И точно. Так это же зайчик.

– Ты сдурел? Волки кругом, а тебе зайцы мерещатся.

– Точно тебе говорю – беляк.

– Это что, Марфа нам подарок принесла?

– Ушла она, – сказал я.

Они оба обернулись и посмотрели на меня как на сумасшедшего.

– Мне приснилось, что я ночью выходил и разговаривал с ней.

Охотники переглянулись.

– Но, то ж – приснилось, – безнадежно махнул рукой Федор. – После того, как мы вчера удирали, да песни их слушали, еще не такое привидится. Пальнуть надо разок.

– Давай собаку выпустим, – предложил Степан.

– А давай тебя – лучше, – передразнил охотник.

Я кое-как поднялся, трясаясь от холода, не чувствуя ног, подошел к двери, растолкал охотников и вышел на свежий воздух.

– Барин! – ахнул Степан.

У меня у самого коленки подкосились от страха. Что же я делаю? А если поблизости волки? Вообще, что вчера было? Неужели мы на самом деле завалили медведя, а потом едва ушли от волков? А что мне привиделось ночью? От сердца отлегло, когда Сага выбежала вслед за мной и принялась деловито обнюхивать ближайшие бугорки, заметив зайца, кинулась к нему. Но тот дал такого стрекача, что собака посчитала за разумное оставить бесполезную охоту.

– Ой, барин, а что тебе приснилось? – допытывался Федор, выходя из сторожки, но держа зараженного туляка наизготовку.

– Не помню. Бред какой-то. Словно я вышел и разговаривал...

Тут я заметил в двух шагах от себя в снегу рукоять испанского тесака.

– Ой, барин, Александр, ты не заболел? – испугался Степан.

– Нет, – ответил я уверенно и поднял из снега тесак. – Ушла она, Марфа ваша.

– Ой, барин, – Федор упал на колени и перекрестился, – Сохрани нас, Матерь Божья.

Аль правду говоришь?

– Правду, – успокоил я его. – Не придет она больше. А нам домой пора.

Всю обратную дорогу Федор поглядывал на меня, как на Серафима, все крестился и приговаривал: барин, Александр, святой заступник. Не поверит же никто.

– Ты бы не трепал языком, – мрачно предупредил его Степан. – Кто спрашивать будет, скажи: охотились, медведя завалили. Про волков – ни слова.

– А чего так?

– Сам знаешь. Вдруг кому в голову мысль дурная вскочит.

– Это какая? – удивился я.

– Да в народе говаривают, что с оборотнями только ведьмаки общаются. Сдуру начнут болтать всякое...

– Ненадобно никому знать об ентом, – согласился Федор.

– А я читал жизнь и деяния святого Франциска Ассизского. Тот волков умел приручать, – вспомнил я.

– Так тож – католик, – махнул рукой Степан. – Католики, они все с придурью. Вон, хоть Зигфрида нашего возьми... – Дальше он не смог ничего придумать и замолчал.

После, не проронив ни слова, мы добрались до самой деревни. Утро, тихо. Из труб вверх поднимались столбы белого дыма. На пригорке виднелась усадьба. Даже не верилось, что столько пережили за эту ночь.

– Ну, прощивайте, барин, – Федор поклонился. – А шкуру медвежью я вам еще добуду.

– Пужало сперва почини, – усмехнулся Степан.

– Починю, не бойсь, – недовольно буркнул Федор.

– Знаешь, что, – остановил я Федора. Мне казалось, что я вполне здраво поступаю. Я снял с плеча тульское ружье и лялунку с картушами. – Бери. Тебе нужнее.

– Да как же это? – растерялся Федор, не смея протянуть руку к туляку.

– Возьми. Я уеду скоро. Оно пылиться будет в шкафу. А тебе без ружья как в лес ходить?

– Так оно же деньжищ стоит немерено, – все удивлялся Федор. Глаза его растеряно бегали то на меня, то на туляка, то на Степана.

– Бери, дурень, – гаркнул Степан, – коли барин говорит, то говорит – дело. Как ты нонче без ружья будешь?

– Да я... Я вам дичи настреляю к ужину..., – он не знал, как благодарить. Лицо его засияло детским счастьем.

– Прощай, – я повернулся и зашагал к усадьбе налегке.

Глава третья

В доме стояла тишина. Свечи потушены. Лакеи спали. Я скинул тулуп в прихожей и поднялся к себе. Усталость внезапно навалилась на плечи. Хотелось упасть в кровать, прямо не раздеваясь, и уснуть. Наверное, так бы и сделал, но вдруг заметил, как из щели под дверью кабинета пробивается желтая светлая полоска.

Я приоткрыл тяжелую дубовую створку. Папенька сидел за столом, точно так, же, как у себя в кабинете, в Петербурге. Вокруг стопки бумаг, перья, чернильницы. Он поднял глаза, увидел меня и резко встал.

– Слава богу! Куда ты пропал?

– Разве Зигфрид Карлович тебе не доложил?

– Докладил. На охоту, говорит, ушел. Ночью тебя нет. Я уже хотел всех на поиски поднять. Зигфрид успокоил, сказал, что ты со Степаном ушел и с каким-то бывалым охотником, который лес, как свою хату знает.

– Так и есть.

– Ну, и как охота? – Немного успокоился отец.

Я пожал плечами:

– Медведя-шатуна завалили.

– Медведя? – глаза у отца округлились от удивления – Шутишь?

– Нет, – просто ответил я, как будто медведя убить – обычное дело.

– А шкура где?

– Федор потом принесет.

– Какой Федор?

– Березкин, охотник здешний.

– А где же вы ночевали?

– В лесу. Да ты не беспокойся. Там у Федора сторожка есть.

Отец быстро подошел, взял меня за плечи и заглянул в лицо.

– Что-то я тебя совсем не узнаю. Случилось что?

– Да что со мной могло случиться? – через силу улыбнулся я. – Живой. Руки – вот. Ноги – целы. Устал немного.

– Ты как будто повзрослел сразу лет на пять. Нет, не внешне... Голос другой и манера речи совсем не мальчишеская.

– Папенька, это я, Александр, – натянуто рассмеялся. – Ну, о чем ты?

– Ох и ароматы от тебя идут, – усмехнулся отец и вновь сел за бумаги. – Костром пахнет, табаком... Курил что ли?

– Один раз затянуться попробовал. Думал, горло сгорит.

– Ну, да, ладно. Ступай, отдохни. Охотник.

Я взялся за ручку двери.

– Постой, – отец вновь внимательно оглядел меня. – Зигфрид сказал, что ты взял дорогое ружье. Обратно поставил?

– Нет. Я его отдал Федору, – честно признался я.

Отец не сразу понял, что я сказал.

– Как? Почему? Отдал попользоваться?

– Нет. Совсем отдал.

– Объясни, – потребовал родитель. – Ты знаешь, что оно делалось под заказ и стоит очень дорого.

– У Федора сломался затвор на старом ружье. Я ему отдал туляка. Он охотник и должен иметь исправное.

– Но, постой. Разве нельзя ему было дать какое-нибудь другое, попроще?

– Послушайте, папенька, – я подошел ближе. – Это ружье несколько лет пылилось в оружейной. Из него ни разу не стреляли. Поставь я его в шкаф, оно бы еще пылилось до скончания века. Ни я, ни вы, никто другой охоту не жалует. Федор же не просто развлекается – это его ремесло. Мало того, он деревню охраняет. Вот нынче медведь-шатун по лесу шляется. А если бы к людям вышел? Беды не миновать. Завтра волки в окрестности объявятся, а мужики все на дальней делянке лес валят. Вся надежда на Федора, а у него хорошего ружья нет.

Я говорил спокойно, но твердо, как раньше не говорил никогда. Да будь я неделю назад, да даже вчера уличен в несправедном поступке, стоял бы с опущенными глазами, сопел и оправдывался. Но теперь я был уверен в своей правоте. Отец глядел на меня с открытым ртом. В руке он держал перо, с кончика сорвалась капля и испачкала какие-то важные бумаги. Он поздно это заметил, стал искать промокашку.

– Не понимаю, почему ты не хочешь идти в дипломатический корпус? – сказал он, стараясь вывести кляксу. – У тебя явный талант убеждать.

Я ничего не ответил. Вышел из кабинета и остановился в нерешительности. Что-то спать расхотелось. И душно было в доме. Истопник явно перестарался. Я спустился вниз. Буфетчик проснулся и звенел посудой в столовой.

– Извольте что-нибудь подать? – спросил он.

– Сварите, пожалуйста, кофе, – попросил я и направился к выходу.

На дворе хорошо. Светлело. Мороз бодрил и пробирал до костей.

– Барин, тулупчик накинули бы. Простудитесь. – Мимо проходил Степан, неся на плече попоны. Он сбросил их на снег, и вынул из кармана трубку, намереваясь закурить.

– А ты чего не спишь? Не устал разве? – удивился я.

– Тю, – сплюнул он. – С чего уставать. По лесу прогулялись, да я в сторожке выпался. Мне ж не привыкать. Вот, сейчас покурю и делами займусь...

– Степан, расчади и мне, – попросил я.

– Пожалуйте.

Я протянул ему генеральскую трубку, которую теперь вечно таскал с собой. Он набил ее табачком. По-солдатски присыпал сверху порохом, чиркнул кремнем.

Я затянулся едким дымом, еле сдерживая кашель. Рот наполнила горечь.

– И все же, наденьте тулупчик, – посоветовал Степан, поднял попоны и зашагал к конюшне.

Я не чувствовал холода. Стоял, широко расставив ноги, и попыхивал трубкой, представляя себя адмиралом на палубе фрегата. Но моря не было. Перед глазами унылый зимний пейзаж: серое небо без намека на солнышко, заснеженная деревня. А дальше черный лес.

Вдруг пришла мысль: а вот, если бы я был помещиком? Жил бы в этой усадьбе. Летом пил чай с вареньем на веранде, долгими зимними вечерами читал в мягком кресле у камина. Осенью на охоту с псарней выезжал. Ездил бы на собрание местного дворянства и, возможно, стал председателем этого собрания. Заботился о крестьянах, и наблюдал за перестройкой дома. Жена была бы какая-нибудь веснушчатая дочка соседа, обязательно красивая и пухленькая, а как же иначе? Детей штук шесть-семь. Псарню бы держал из породистых борзых. Иногда, раз в три года совершал бы вояж в Европу на воды... Есть, наверное, в этом какая-то прелесть... Но откуда-то из глубины души поднялся протест. Да как я могу предать мечту? А как же море, как же вой ветра в парусах, дальние страны?.. Нет! Я отогнал от себя видения спокойной сельской жизни. Ни за какие коврижки!

Вдруг заметил на дороге черные точки. Они быстро приближались и вскоре превратились во всадников на сильных выхоленных англазированных лошадях. Конные въехали в ворота. По выправке – военные. Первый всадник, в длинном плаще, подбитом мехом. На голове лисий трехх. Сидит гордо. Взгляд внимательный. Точно – офицер. И второй за ним такой же. Двое

отставших в форме рядовых уланов, денщики, наверное. Офицер подъехал вплотную ко мне, с удивлением осмотрел с ног до головы, усмехнулся сквозь закрученные усы, увидев трубку. Как-то лихо соскочил с коня. Не как все нормальные люди сходят, перенося ногу сзади, а наоборот, перекинув ее спереди, чуть ли не через голову животного. Он оказался передо мной. Невысокий, крепкий, с гордым взглядом. Спросил добродушным хрипловатым голосом:

– С кем имею честь?

– Александр Очаров, – растерянно представился я.

Он как-то сразу расцвел: темно-карие глаза засияли, полные губы под закрученными усами разъехались в улыбке.

– Племянник! Вот это – да! Дай-ка разгляжу тебя получше! – Он схватил меня за плечи. – Орел! Прошу прощения, – вдруг вспомнил он, что еще не представился. – Поручик Литовского полка, Василий Очаров. Ну, что вытаращился?

– А я вас представлял другим, – ляпнул я.

– Каким? Старым, седым, хмурым? – рассмеялся он. – Я только из полка. Пришло письмо: с батюшкой плохо. Вот, сразу на коня, и сюда. Непогода еще застала. Пришлось в Новгороде переждать. Как батюшка? Поправляется?

– Какой? – глупо спросил я. – Мой?

– Да нет же, Петр Васильевич.

– Так..., – я растерянно раскрыл рот.

– Что?

– Позавчера схоронили...

До него не сразу дошли мои слова. С лица медленно сошла приветливая улыбка. Он побледнел, оттолкнул меня и бросился к крыльцу. В это время буфетчик выходил с подносом, на котором дымился кофе. Поднос, кофе и сам буфетчик отлетели в сторону. Дверь с силой хлопнула.

– Да. Отца он очень любил. Удар для него, – сказал второй офицер, слезая с коня. – Имею честь представиться, поручик Назимов из Литовского уланского.

– Очаров, – пожал я его тонкую, но крепкую руку. – Так, пойдемте в дом, – предложил я.

– Извините, вот так с кофеём получилось, – развел руками буфетчик, собирая осколки чашки. – Я сейчас свежий сварю.

– Оставьте, – попросил я. – Надо путников накормить.

– Все будет исполнено, – пообещал буфетчик.

Оставив гостя в столовой перед тарелкой с холодной телятиной и бутылкой красного вина, я накинул тулуп и прошел уснувшим садом к семейному склепу. Там нашел моего только что приобретенного дядьку. Он откровенно рыдал, сидя на каменной скамье. Отец стоял рядом и утешал его. Тут же тетка Мария лила слезы, уткнувшись лицом в широкое плечо отца.

Сообразив, что мое присутствие лишнее, я отправился обратно в дом.

– Выпей со мной вина, – предложил гость, уплетая квашеную капусту с луком.

– Мне отец не позволяет.

– Как? – удивился он, вытирая салфеткой свои пышные усы. – Я уж в пятнадцать шампанское изведаль.

– А мне еще четырнадцати не исполнилось. Вот, только через месяц.

– Да, ты, брат, выглядишь старше, – удивился он.

– Это со вчерашнего дня только.

– А что, Василий? – осторожно спросил он.

Я развел руками.

Весь день прошел как-то бестолково. Назимов, утомленный дорогой, отправился в отведенную ему комнату, и вскоре оттуда донесся грозный храп. Я поднялся к себе, скинул сапоги,

плюхнулся в кровать, не раздеваясь, и проспал чуть ли не до ужина. Поднялся ближе к сумеркам с тяжелой головой.

Степан нашел в сарае старые салазки. До темноты катал Оленьку по саду. Взял с собой Машеньку (кузины ей надоели до чертиков своей угрюмостью). Взял с условием, что она не будет задавать глупых вопросов. Не тут-то было! Пока я спал, она уже допросила Степана, и тот ей расписал наш героический поход на медведя. И в течение всей прогулки: «Сашенька, ну расскажи! Сашенька, а тебе было страшно? Ой, я бы в обморок упала! А что, волки были настоящие? А тебя не укусили?» ...

После ужина долго сидел в библиотеке, листал книги. У деда их скопилось великое множество. Нашел томик, недавно привезенный из Парижа, «Сказки матушки Гусыни» Шарля Перро. Позвал Машу. По очереди читали на французском, пока сестра не начала зевать. Пришла мама и забрала Машу.

Ближе к полуночи я отложил книгу и отправился к себе в спальню. Огромная полупустая комната с такой же огромной кроватью казалась неудобной. Два окна занавешены плотными бархатными шторами. Тяжелый шкаф напоминал располневшего гренадера. И комод такой же массивный и старый. Два стула с выцветшей обивкой и кривыми ножками, небольшой дубовый стол с бюро.

Лакей принес широкую, гладко оструганную доску в человеческий рост.

– Что это? – спросил я.

– Грелка, – ответил он. – Доску специально ставлю у печи. Сейчас я ее положу в постель, и пока вы будете готовиться ко сну, она нагреет перину.

– Не надо, – возмутился я. – Что еще за выдумки – постель греть?

– Но эту спальню давно не топили.

– А что здесь раньше было?

– Спальня вашего папеньки. Все детство его здесь прошло. Вот уж лет пятнадцать в ней никто не жил.

Да, подумал я, бедный папенька в такой огромной, неудобной спальне ночевал. Мне-то жутко, а он вообще маленьким был. Но, наверное, люди привыкают к месту.

– Не надо греть постель. Я не боюсь холода.

Лакей унес доску. Но когда меня обволокла ледяная перина, я пожалел, что отказался от грелки. Поглядел на изразцовую печь. Из щели в заслонке пробивались яркие отблески пламени, но толку никакого. Когда эта печь прогреется да такую большую комнату натопит? Да бог с ним. Глаза не закрывались, видать выспался за день. Как-то жутко было одному лежать в огромной холодной спальне. Казалось, как будто меня заперли где-нибудь в амбаре или в церковном подвале. Сейчас придут призраки и будут надо мной потешаться. Сразу вспомнились все детские страшилки про ведьм, чертей, покойников...

Я вздрогнул, когда услышал звук скребущих когтей. Это еще что? Дверь с противным скрипом приоткрылась, и кто-то вошел. Что я только не передумал. Вдруг кровать колыхнулась под чьей-то тяжестью. Я едва не вскрикнул от страха. Послышалось довольное урчание. Фух! Надо же было так напугать! Огромный рыжий кот прошелся прямо по мне, нагло обнюхал лицо и принялся тереться пушистой головой о мой лоб. От него несносно пахло грибами и соленой рыбой. Пришлось высунуть руку и погладить его. Он тут же успокоился, улегся рядом с подушкой.

Из открытой двери сквозило, прямо в ухо. Пришлось встать. Пятки обжог о холодный пол. Затворил дверь. Вновь улегся. Вроде сон накатывал. Тело становилось невесомым. Грезы мешались с реальностью... Опять кто-то настойчиво скреб дверь, да еще поскуливал. Ох уж эти призраки! Вылез из-под одеяла, взял со стола тяжелый бронзовый канделябр. Сейчас огрею этого призрака по башке. Рванул дверь на себя. Борзая, чуть не сбив меня с ног, ринулась в

комнату. Кот вскочил, выгнул спину, злобно зашипел. А собака юркнула под кровать и затаилась.

Ну и ночка! Надежно закрыл дверь. Больше не буду никому открывать: ни собакам, ни кошкам, ни чертям... Но я поймал себя на мысли, что ужасно рад: теперь мне не придется одному спать в этом жутком месте: все же животное рядом. Кот вылизывался и зевал, источая изо рта жуткую вонь. Собака чесалась и ворочалась подо мной. Я уже почти заснул, как борзая вылезла из-под кровати и попыталась забраться ко мне на перину. Кот тут же кинулся защищать свою территорию. Завязался бой прямо перед моим носом с рычанием, шипением... Наконец собака отступила. Обиженная подошла к окну и рванула зубами штору. Гардина с грохотом обрушилась. Собака принялась крутиться на месте, потом грохнулась на поваленные шторы с тяжелым вздохом и притихла. Кот с важным видом победителя улегся на подушку, чуть не спихнув мою голову.

Я с блаженством почувствовал, как проваливаюсь в дремоту.

Утром проснулся рано. За окном висела луна над черным лесом. Задремать вновь никак не получалось. Печник еще не растопил камин, и щеки мои покрылись мурашками.

Осторожно вошел старый лакей со свечей. Принес мне чистую рубаху и чулки. Увидев сорванную гардину и собаку, мирно спавшую на дорогих бархатных шторах, он горестно воскликнул:

– Матильда, как ты посмела? Что же ты натворила!

Псина недовольно зарычала, поднялась и не спеша, вышла из комнаты.

– Что это за собака? – спросил я.

– Любимая гончая покойного барина, – объяснил лакей. – С ней на зайцев ходили. Шустрая, никогда добычу не упустит. Петр Васильевич любил ее сильно, позволял у себя в кабинете спать. Не стало барина, – прослезился он, – и сука его любимая тоскует. Вон, что творит. Надо же, шторы оборвала, – и добавил. – Вы отдыхайте, барин. Еще рано. Утренний сон – самый нежный.

Он заметил кота.

– И этот разбойник здесь! Маркиз, ты как посмел сюда пробраться? Да еще на подушке развалился. Не стыдно ли? Это тоже кот Петра Васильевича. Всегда в его кабинете ошивался. Странно, что это они сегодня ночью к вам пришли?

– Не знаю, – пожал я плечами.

Я собрал волю в кулак и выскочил из-под одеяла. Быстренько натянул холодную одежду и побежал на кухню, откуда тянуло свежей колбасой и специями. Печь пылала. Котел кипел, источая мясной аромат. Перед кухней в коридорчике сидел Степан и с выражением философа попыхивал трубочкой.

– Барин, Александр Андреевич, вы чего в такую рань? – удивился он, встал, накинул мне на плечи серый колючий плед. – Кофею али чаю искушать изволите?

– Чаю бы, – попросил я.

– Эй, Семен! – окликнул он буфетчика, суеющегося перед котлом. – Чаю сооруди, да варенье клубничное посмотри, и не прошлогоднее. Хлеба свежего с маслом... Давай, живее, – обернулся ко мне. – Может, колбаски желаете. Вон, наварили сколько.

– Нет, спасибо, я только чаю, согреться.

– Сейчас Семен все сделает, а я пойду корму задам коням.

– Я с тобой, – мне вдруг захотелось еще раз взглянуть на Грома. Удивительный конь. Я до сих пор помнил его гладкую упругую шею, стремительный легкий шаг, силу, которая исходила от гибкого тела...

В конюшне остро пахло мочой.

– Ох, и надули за ночь, – покачал головой Степан. – Надо конюхов кликать, чтобы убрали, да свежее сено постелили.

– Ты иди, зови, а я здесь постою.

Гром доверчиво потянулся ко мне. Я угостил его припасенной краюхой с солью. Что за конь красивый! Глаза большие, темные. Реснички длинные. А зубы какие белые!

– Нравится? – В дверях стоял Василий. На нем была простая домашняя одежда. Какой-то старый халат, под халатом белая рубаша с косым воротом, шаровары, подобно турецким, короткие сапожки. Глаза опухшие. Наверное, всю ночь не спал. Выглядел усталым, но походил на человека, который, наконец, пересилил горе, свалившееся на него внезапно, и теперь готов жить дальше. Смирился.

– Еще бы! – ответил я. – Все бы отдал за такого коня.

– Да, у настоящего мужчины три соблазителя: слава, женщины и лошади.

– Наверное, – я пожал плечами. – В этом еще не разбираюсь.

– Ничего. Всему свое время, – горько усмехнулся Василий.

– Почему вы не возьмете его с собой? На таком коне, да в строю, да на параде...

– Хотел взять... Жалко... Под военным седлом кони долго не живут. Хотя, и здесь ему не место... Эх, думаю, выйду в отставку, да займусь разведением коней, – он вновь невесело усмехнулся.

– Так, когда выйдете в отставку, Гром уже состарится. Ему сейчас волю надо, – не согласился я.

Василий подошел ближе. Погладил коня по морде.

– Ну, как живется тебе, Гром? Понимаю тебя, Сашка, – хлопнул он меня по плечу. – Хотел бы такого рысака?

– Конечно. Кто бы не хотел?

– Не могу, – после паузы раздумий ответил дядька. – Вот, как нож в сердце, – не отдам. Прости. Все, что хочешь – проси – не жалко для племянника, но не Грома.

– Ничего. Я понимаю. Да и куда мне его в Петербург? У нас во дворе конюшня – кое-как две клячи помещаются.

Я говорил с улыбкой, а душа так и ныла: – эх, такого бы коня, да по проспекту Невскому промчаться! Все бы ваньки кляч своих заворачивали, уступая дорогу. Дамы бы шеи ломали, следя за удалым всадником, а статные господа скрипели зубами от зависти...

Отец позвал меня к себе. Только я потянулся к дверной ручке, как из кабинета выбежала заплаканная тетка Мария. Она промчалась мимо, вытирая кружевным батистовым платочком покрасневшие глаза, и даже не ответила на мое приветствие. Отец задумчиво прохаживался вдоль массивных книжных шкафов. Увидев меня, попросил плотнее прикрыть дверь.

– Мне надо с тобой посоветоваться по важному делу, – сказал он, не глядя в мою сторону.

Советоваться со мной, да еще по важному делу? Я был весьма удивлен. Отец всегда считал меня оболтусом, отчитывал даже за малейшую шалость, а тут вдруг вызвал на совет.

– Отчего же со мной? Отчего же маменьку не позвать? – недоумевал я.

– С ней я уже разговаривал. Но так как ты наш старший сын, твое слово решает многое. Что за подвох?

– Ты считаешь меня взрослым? – осторожно спросил я.

– Да, – отец шагнул в мою сторону и посмотрел прямо в глаза. – Скоро тебе четырнадцать, и пора стать полноценным членом семьи: ответственно выполнять поручения и блюсти честь. Или я не прав? Ты чувствуешь, что еще не созрел?

Я не знал, что ответить.

– Простите папенька, я немного растерян. Как-то ваше предложение прозвучало неожиданно для меня.

– Перейдем к делу. – Он решительно двинулся к столу и поднял с него гербовую бумагу, исписанную уборым подчерком. – Вчера приезжал нотариус из Пскова, вскрыл завещание покойного графа. Воля Петра Васильевича весьма необычная. Теперь все имения, а также дом и лесопильная мануфактура переходит в мое распоряжение.

– Тебе? – не сразу понял я. – Почему тебе? А графине Марии, а графу Василию?

– Ничего, – отрицательно покачал он головой. – Я должен назначить им содержание и, конечно так и сделаю... Не правда ли, странное завещание? – он передернул плечами. – Меня отец... твой дед... отдал и не желал видеть, не общался более четырнадцати лет... Боже! Целых четырнадцать лет!.. вдруг делает наследником всего капитала, а любимым детям не оставляет ничего.

– Графиня Мария плакала по этому поводу?

Отец задумчиво окинул взглядом шкафы, произнес:

– Случаются в жизни нелепые ситуации. Да, старик, царство ему небесное, начудил.

– Ничего странного, – рассудил я, вдруг поняв замысел деда. Удивился: и чего папенька не понимает? Ведь все так просто. – Если ты всего достиг сам, то и имение сохранишь. Поэтому отец тебе доверил управлять после себя.

– Возможно, ты прав. У меня тоже возникали такие мысли, – он задумался. – Ну, что, Мария? Она и ездить сюда не будет из Москвы. А за мануфактурой пригляд нужен. Муж ее Преображенков, это между нами, – он прижал указательный палец к губам, – картами частенько балуется. Вот как продуется, так и от имения ничего не останется. Василий? Ну что с braveго улана возьмешь? Какой из него управляющий?

– Папенька, – укоризненно покачал я головой.

– Согласен, не хорошо так о родне говорить. Но я-то его знаю с детства.

По правде, я с первого взгляда понял, что семейство Преображенковых в долгах. Уж больно выцветшее платье на тетке Марии, уж больно облезлый бобровый воротник на пальто дядюшки. Да и кухни одеты неопрятно. Гувернантки хорошей у них нет – видно сразу. О Василии я ничего не мог сказать. Однако всем известно, как живут кавалергарды: есть деньги – гуляют, нет денег – песни поют.

– И в данный момент передо мной встает выбор, – продолжал между тем отец: – остаться здесь или отправляться в Петербург?

– Как это – остаться? – не понял я. Что он такое придумывает? – Здесь? В лесу?

– В имении, – поправил он меня. Подвел к окну, отдернул штору, показывая тоскливый зимний пейзаж. – Посмотри, какая красота! Знаешь, как в Крещенках здорово летом? Солнце, травы кругом, охота...

Я почувствовал фальшь в его голосе, едва уловимую.

– А зимой? А осенью? Да ты и сам не горишь желанием остаться. Как же служба? Ты же заскучаешь по комитету, по товарищам...

– Служба... Служба... Ну что со службой? – забубнил зло он и принялся ходить по кабинету, заложив руки за спину. – Уйду в отставку. Зато маменька любит тишину и уют. Сестрам твоим здесь понравится.

Вот этого я от него не ожидал. Я взглянул на его безупречное жабо, отглаженный идеально камзол с двумя рядами золотых форменных пуговиц, панталоны чиновничьего мышиного цвета, чулки без пятнышка, английские башмаки с пряжками... Какой из него помещик? Да он без бумаг и дня не проживет. Вечно гордился своими точными расчётами, пропадал целыми сутками на строительстве, светился от счастья, когда какой-нибудь дом или просто пристройку сдавали с его участием, а тут, вдруг – тишина, уют понадобились. Бобровую шапку напялит, валенки, шубу до пят – вот чучело будет... Не верю я ему! Первый раз в жизни – не верю.

– Я должен поступить в морской корпус, – четко ответил я. – И вам, папенька не к лицу бросать службу. Долг каждого дворянина – служить России.

– Да что ты понимаешь в этом? – попробовал он меня образумить.

– Вы сами спросили у меня совета, я вам выдаю свои суждения. И сестрам я не желаю участи вырастить провинциальными барышнями, коих называют у нас деревенскими дурочками.

– Откуда ты набрался такого? – возмутился он, гневно выпячивая грудь.

– Вы прекрасно знаете, папенька, что это именно так.

– Ну, так что, бросать имение на управляющего?

– По моему мнению, Зигфрид Карлович достойный человек. Его даже Степан уважает.

– Степан у тебя – мерило всего, – распалился он.

– Не всего, – возразил я. – Но людей прекрасно видит.

– Спасибо за совет. Можешь идти, – бросил отец и отвернулся к окну.

Он сделал вид, что рассердился, но я-то услышал его вздох облегчения.

Вечером родственники собрались в столовой зале. Граф Преображенков презрительно поглядывал на всех, как бы говоря: и чего я тут к вам перся из Москвы? Сидел бы сейчас с друзьями в клубе, играл в карты, пил шампанское. Его жена, моя тетка Мария, походила на обиженного ребенка, часто сморкалась в кружевной платок и терла, без того, красные, заплаканные глаза. Дядьке Василию как будто было все равно. Он отречено глядел куда-то в темнеющий вечер за окном. Думал о своем. Явился он, на этот раз, в строгом мундире улана, намятая, что готов немедленно отправиться в войска. Колет темно-синий с красной грудью, рейтузы с красными лампасами, высокие сапоги, начищены до блеска. Даже нацепил блестящие шпоры. Еще были дальние родственники, имена и звания которых я толком не запомнил. Они прибыли в надежде получить хоть какие-нибудь крохи из наследства.

Отец долго читал составленную им накануне декларацию: кому чего и сколько. Тетка Мария залилась радостными слезами, когда отец объявил, что отдает ей в управление какое-то подмосковное имение с тремя сотнями душ крепостных, купленное покойным графом недавно. Даже Преображенков вдруг потеплел лицом и засверкал глазками. Василию назначено жалование в тысячу рублей годовых, а после отставки передавалось имение Крещенки. Но Василий не проявил никакого интереса к услышанному. Когда, после собрания, отец у него спросил, чем же он недоволен? Может сумма жалования маленькая? Василий вздохнул и ответил:

– Нет, брат. Ты поступил по справедливости. Да на кой мне эта усадьба? Эх, как я теперь без отца?

Тогда я не мог понять, как сильно он любил старика. Вот, у меня есть отец. Наверное, я его тоже люблю. Никогда не задумывался над этим. А если бы с ним что-то случилось? Нет! Даже думать о таком не хотелось!

После долгих прощаний с родственниками, их отъезда, отец, к радости сестер и меня, объявил, что мы отправляемся в Петербург, а за имением будет следить управляющий.

– Прощай, брат, – обнял меня Василий. – Очень рад обрести племянника. Как станешь капитаном какого-нибудь фрегата, возьми меня с собой хоть в одно плаванье. Я в море ни разу не был.

– Когда это будет? – усмехнулся я.

Товарищ его уже сидел в седле. Ординарцы в сторонке готовились к выезду

– Надо же, приеду в полк, расскажу: пять племянниц – беда! – весело крикнул он Назимову. – Но зато есть племянник – орел! Высокий, вихрастый. Эх, как же ты на деда похож, – с грустью обернулся он ко мне.

– Я?

– Где-то в кладовых портрет его есть, он в юности – ну, вылитый ты, – Василий отвернулся и украдкой смахнул слезу.

Степан вывел ему оседланного Грома. До чего же здорово конь смотрелся под синим уланским чепраком, с перетянутыми бабками, расчёсанной гривой.

– Все же берете в войска? – с сожалением спросил я.

– Беру. Ты же сам меня убеждал: застоялся он здесь. Я тебе и поверил. Ну, еще раз – прощай. Даст бог – свидимся.

Он лихо запрыгнул в седло, поправил плащ, подбитый мехом. Нахлобучил на голову лисий треух.

– Дядя Василий, – выбежала Маша, путаясь в длинной заячьей шубке. – Погодите. Я вам платок вышила.

Она протянула ему кружевной платочек.

Василий засмеялся, нагнулся. Подхватил Машу и усадил перед собой на коня:

– Дурешка моя маленькая. Да меня же в полку засмеют, если увидят женский платочек.

– Неправда, – мотнула головой Маша. – Вы скажите, что племянница подарила.

– Спасибо, Машенька, – Он осторожно поставил ее обратно на землю, а платок спрятал под колетом на груди. Обернулся к товарищу: – Ты свидетель: платок Машенькин.

– Клянусь честью, – козырнул Назимов, чуть не скинув высокую конфедератку.

Всадники умчались. Я еще различал их до деревеньки, но когда они въехали в лес, то совсем пропали. Надо же, а у меня славный дядька, улан. Наверное, скоро генералом будет... А может – не скоро. Но все равно – здорово иметь дядьку – бравого кавалергарда. Вот так, спросит кто-нибудь: – А есть у тебя в роду служивые? А как же, – отвечу я небрежно. – В Литовском уланском.

Отец оживленно командовал дворовым, укладывавшим сундуки на задок саней. У него был вид человека, спихнувшего с себя непосильную ношу. Маменька суежилась, прося покрепче вязать поклажу. Маша помогала маленькой Оленьке застегивать шубку.

– Александр, ты еще не собран? – погрозил мне отец. – Давай скорее. Через полчаса отправляемся. В санях поедешь или верхом?

– Верхом? – не понял я. – Вы решили взять еще лошадей?

– Ах, ты же ничего не знаешь. – Он обнял меня за плечо и тихо стал говорить: – Мы с матерью посоветовались... У нас теперь будет доход с имения, да с мануфактуры. Вот, решили снять дом побольше. Ну, а к дому нужен выезд. У нас теперь будет свой выезд...

– Свой? Здорово! – обрадовался я, но тут же спросил: – А кто будет конюхом?

– Найдем конюха. Экая проблема!

– Папенька, давайте Степана возьмем, – тут же нашелся я. – Лучше него никто не справится. Да и человек он – ладный.

– Степана? – отец призадумался. – Пожалуй, ты прав. Но если Зигфрид Карлович приболеет, кто за имением следить будет?

Я недослушал и побежал на конюшню. Как раз, Заречный выводил двух поджарых коней для нашего выезда.

– Степан! – накинулся я на него

– Что случилось, барин? – испугано воскликнул он.

– Степан, ты останешься с нами в Петербурге.

– Фу, ты... Барин, да что я там забыл? – усмехнулся Степан.

– Ну, как же. У нас теперь будет другой дом и выезд...

– Это ж мне бороду надо будет стричь, да ливрею носить, – недовольно покачал он головой.

– Степан, ну, пожалуйста, – взмолился я.

- Как скажете, – улыбнулся он, – Коль табачок найдется добрый...
- Да найдется, найдется, – успокоил я его.
- Это кому? – спрашивал у кого-то отец.
- Так, благодетелю моему, Александру. Шубейку справить, али коврик сделать.

Мы со Степаном обернулись. Федор с туляком за спиной показывал отцу выделанную и уже почищенную медвежью шкуру.

- Я ее отваром дубовым вывел, да щелоком потом – не пахнет.
- Ну, спасибо, – нехотя согласился отец.
- Спасибо, Федор, – крикнул я, вскакивая в седло.
- Это вам, – громаднущее. Я теперь с таким ружжом столько добуду, столько...

Сани тронулись. Степан на облучке посвистывал, подгоняя тройку. Я скакал рядом, ведя на поводу еще одну лошадь. На минуту придержал коня, обернулся, посмотрел на пригорок, где оставалась большая, красивая, но какая-то неуютная усадьба. Дворовые столпились на крыльце, провожая нас. Горбатая сука Матильда мчалась вслед. Но, добежав до ворот, борзая остановилась, словно наткнулась на преграду, жалобно залаяла, переходя на вой. В окне, там, где была моя спальня, сидел грустный рыжий Маркиз.

Нет, это не мой мир. Я не принадлежу вам, и вы – не мои. Мой мир там, на берегах Невы, в каменном тесном городе, который я люблю безумно. Там я знаю каждый угол, каждый кирпичик, каждый булыжник мостовой, и они меня знают. А здесь, в этом черном лесу я – чужой.

Сани уже далеко отъехали. Я помахал рукой, прощаясь с угрюмым, великолепным домом и поскакал вслед за санями. Самый приятный путь тот, который ведет к родной обители.

А еще я почувствовал, что возвращаюсь немного другим, каким-то повзрослевшим. В Крещенки въезжал Сашенька Очаров, а уезжает Александр Андреевич Очаров. Глупо, конечно так думать. Мы пробыли в Крещенках чуть меньше двух недель. Но мне показалось, будто я возвращаюсь из далекого, долгого странствия.

Глава четвертая

Рождество мы не отмечали, в связи с трауром. Похоже, и в мое четырнадцатилетие, праздника не будет. Я очень огорчился. Понимал, что не прав, но все равно было грустно. Оленьке все равно – она маленькая, а Маша меня понимала. Няня проболталась, что сестра выклянчила у мамы деньги, якобы для рукоделия, а сама купила мне подарок. Узнав об этом, я тайно от всех прикупил у лавочника Андреева два кулечка конфет и отдал их няне, чтобы она положила кулечки на Рождество под подушки сестрам.

В мой день рождения не происходило никаких чудес. С самого утра я занимался с месье де Бельте литературой. На этот раз мы изучали нуднейшего Дидро²⁶. Месье де Бельте требовал от меня хорошего произношения, по ходу чтения задавал мне каверзные вопросы, и если я мялся, подробно мне их разъяснял. Ближе к обеду я уже начал плохо соображать. Ну что за день рожденья? На душе было гадко и грустно. Так хотелось созвать друзей. Наняли бы пианиста. Устроили бы небольшой вечер с танцами и угощениями... Но траур – есть траур.

Маша юркнула в приоткрытую дверь кабинета, пока месье рылся на книжной полке, положила передо мной маленькую бархатную коробочку. Обслюнявила мне щеку и быстро выбежала. В коробочке оказалась недорогая булавка с бронзовым конем. Безделушка – а так приятно! Как-то вдруг стало хорошо на душе. Надо же, есть сестра, которая помнит, что у тебя сегодня праздник. Раньше не особо придавал этому значению. Ну, есть – и есть. У всех есть сестры, что с того? А тут вдруг подумал, какая же у меня Маша замечательная! Пусть только кто посмеет ее обидеть.

Месье продолжал гундосить по-французски, и меня заставлял произносить согласные «в нос». Пришел Степан, присел у двери на низенькую скамеечку для ног. Он частенько вот так приходил на мои занятия, что сильно раздражала месье де Бельте. А Степан не обращал на него внимание, сидел, что-то чинил: то сапог дырявый, то заплату на портках ставил...

Я делал Степану тайный знак: все – больше сил моих нет. Степан медленно встал и важно произнес:

- Мосье, мальчонка устал. Ему пора на воздух.
- Но мы только подобрались к сути! – возмущался гувернер.
- Никуда она, твоя суть не денется, – возражал Степан.
- Вы не должны прерывать занятия. Я пытаюсь из Александра сделать грамотного человека.

– Вот, и делай. А я должен следить за его здоровьем. Вон, совсем побледнел после твоего Дидро. Надо перед обедом совершить, как вы там говорите, променада.

- Я доложу о вашем поведении, – погрозил месье.
- Да что вы, ей богу, такой неумный? – усмехался Степан.

В этот день разобраться в себе я до конца так и не смог. Почему-то представлял себя колодцем где-то на краю заброшенной деревни: снаружи камни, покрытые мхом, а внутри бездна с темной водой, – странное чувство. Когда я так себя чувствовал, то сразу направлялся на Васильевский остров. В церкви Трех святых служил мой духовный наставник, отец Никодим.

В небольшом помещении с низким потолком было тепло, с мороза мне показалось даже слишком натоплено. Обеденная служба уже окончилась, и кроме пары молящихся никого не было. Горбатая старушка в черном платке убирала огарки перед золоченым иконостасом. Я

²⁶ Дени́ Дидро́ (фр. *Denis Diderot*; 5 октября 1713, Лангр, Франция – 31 июля 1784, Париж, Франция) – французский писатель, философ-просветитель и драматург, основавший «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремёсел» (1751). Иностранный почётный член Петербургской академии наук (1773).

перекрестился, несмело шагнул внутрь. Дощатый пол мягко скрипнул. Увидел отца Никодима, как всегда, в простой черной рясе. Он как раз закончил службу.

– Никак сын божий, Александр пожаловал, – приветливо сказал он, поглаживая седую бороду, разделенную надвое.

– Здравствуйте отец.

– Никак опять заблудился в собственных чувствах?

– Как в лабиринте Минотавра, – подтвердил я.

– Что ж, где-то у меня был клубок Ариадны, да слово Господне. Рассказывай.

Я ему изложил все, что со мной произошло за последний месяц: о нашем путешествии, о похоронах. Особо меня волновало то, что я совсем ничего не чувствую к покойному деду – ни капельки жалости. Да еще этот траур приходится соблюдать... Знаю, что это неправильно, что надо предаться скорби и оплакивать покойного... Но, – не получается.

– Ну, что ж ты хотел, Сашенька, – рассудил отец Никодим, хмурая высокий лоб над мохнатыми седыми бровями. – Сам дед твой виноват в сем. Бог же ему сказал, наверняка: прости сына, иначе внуки чтить тебя не будут. Он сделал выбор. Но и ты его теперь прости, за себя прости и за него прости. А то сердись на усопшего сейчас за свой испорченный день рождения, а его там, на небе, апостол Петр бранит, на чем свет стоит.

– Правда, что ли? – глупо спросил я.

– Конечно. Прости ему все. А праздники у тебя еще будут, вот увидишь. Да и этот день рождения просто так не пройдет. Пойди сейчас, поставь угодникам свечку за деда, да помолись. Давай и я с тобой.

Мы стояли у иконостаса и молились. Свечки потрескивали. Отец Никодим шептал молитву и крестился. Я вслед за ним. С каждым произнесенным словом молитвы мой дух обретал спокойствие. Внутри устанавливалось равновесие, и я уже ни на кого не злился, а в моем колодце плескалась свежая вода, играя солнечными бликами.

– Послушай, отец Никодим, я же тебе еще кое-что не рассказал, – выпалил я, после того, как мы закончили. – Я же в лесу со слугой дьявола повстречался.

Горбатая старушка – свечница испуганно вскрикнула, услышав мои слова, и принялась неистово креститься.

– Сашенька, да что ты такое говоришь, – недовольно покачал головой Никодим.

Я рассказал ему об охоте и ночной встрече с волчицей. Священник слушал меня внимательно. Потом задумчиво сказал:

– Это, Сашенька, – знак. Ждут тебя большие испытания. Готовься. И не забывай, чему я тебя учил. Наше оружие – молитва. Наш оплот – Вера. Наш защитник – Господь. Коль будешь помнить мои слова – выдержишь все испытания.

Я вышел из церквушки спокойный и уверенный в себе. Прежние обиды теперь казались сущей глупостью. Я раздал медяки нищим и пошел темной морозной улицей домой.

Отче наш, конечно же, ты есть на небеси... Как есть солнце днем, а луна ночью, как вот эта комета, распушившая хвост среди звезд.

Я вошел в свой двор и облегченно вдохнул полной грудью. И чего переживал? Подумаешь, четырнадцать исполнилось. Без подарков, конечно не останусь. Наверняка папенька купил мне новые сапоги для верховой езды или еще что-нибудь. И Машенька булавку подарила. Надену ее завтра, обязательно.

Дворник скреб снег широкой лопатой. На серой улице редкие прохожие шли не спеша. О чем-то разговаривали. Как-то обидно вдруг стало совсем за другое. Вот, исполнилось четырнадцать, а я в жизни еще пока ничего не достиг. Вроде бы уже не маленький, а все за мальчишку считают. Даже Степан, наверняка, тоже так думает, хоть и виду не подает.

Вдруг в памяти всплыл один случай, произошедший со мной ровно год назад. До сих пор остались светлые воспоминания о тех днях, но и неприятный осадок в душе.

Машеньку и меня пригласили в Польский дом на детский праздник Ангела по католическому календарю. Польским домом называлось дворянское собрание герцогства Варшавского в Петербурге. Располагалось оно рядом с костелом Святой Екатерины на Невском. После органного концерта выступал детский хор. А затем под аккомпанемент клавесина пела удивительно красивая девушка, года на три старше меня. Чудесный голос звенел под сводами костела, словно трель жаворонка. Взгляд так и притягивал к ее слегка вытянутому красивому лицу. Глаза светло-карие, и как будто искрились. Открытые белоснежные плечи казались чуть широкими для девушки, но этот маленький недостаток скрашивали красивые длинные руки, затянутые по локоть в шелковые перчатки. Белое атласное платье стягивал розовый поясик чуть выше талии. Как же она завораживающе пела. Я слушал ее и забыл про все на свете. «Аве Мария». Звуки ее голоса вибрировали во мне, отрывали от земли и уносили куда-то в небеса, где нет горя и страданий – есть одно блаженство и бесконечная радость. Нет, она была не земной, она была ангелом.

После концерта нас позвали в просторный зал с высокими стрельчатыми окнами и зеркалами в массивных рамах, где накрыли столы с угощениями. Там же была и чудная певунья в окружении подруг. Но все подружки казались блеклыми осенними мотыльками, по сравнению с ней – весенней бабочкой. Влюбился я или нет – не знаю. Все же она была заметно старше меня. К ней подходили юноши, восхищались ее голосом, целовали руку. Она всем приветливо отвечала. Ни разу никого не наградила холодным взглядом или даже искоркой высокомерия. И я хотел было подойти, но не смел. Кто я, и кто она. Мне казалось, она так далеко от меня: Афродита на склоне Олимпа, а я – простой пастушок в долинах Фессалии.

Лакей подал мне фужер с сидро и предложил пирожные. Я отказался от сладостей. Но и сидро мне не удалось пригубить. Маша подбежала, дернула меня за рукав и заговорщицки шепнула:

- Сашенька, пойдем скорее.
- Куда? – сопротивлялся я.
- Да оставь ты этот бокал! Пойдем! – требовала сестра.

Я поставил фужер на сервировочный столик и последовал за сестрой. Всего обдало холодом, когда я вдруг понял, куда она меня тянет.

- Прошу познакомиться с моим братом. Александр Очаров!

Передо мной стояла та самая обворожительная певица и смотрела прямо в глаза своими ангельским взглядом. Я растерялся, и даже не в силах был сердиться на Машу. Хоть предупредила бы... Потом сообразил, что сестра представляет мне княжну Ядвигу Понятовскую из Варшавы. Чудесница протянула руку. Я не сразу сообразил, что надо ее поцеловать.

- Что ж вы так растеряны? – услышал мягкий голос.
- Простите, – пробубнил я. – Вы... Вы чудесно пели... Сопрано...
- Меццо-сопрано, – поправила меня Маша. И тут же выдала: – А Александр петь не умеет. Его пытались на скрипке учить, но маэстро сказал, что ему медведь на ухо наступил.

Вот, обязательно ей надо было это сказать! Маша набрала полную грудь воздуха, готовая говорить бесконечно.

– Ничего страшного, – дружеским тоном остановила ее Ядвига, не дав прорваться бурному потоку слов, – Не всем же дано знаться с Каллиопой. Возможно, Александр преуспеет в чем-то другом.

– Конечно! – согласилась Машенька и вновь набрала полные легкие воздухом, чтобы выдать очередное описание моих занятий. Но, поймав взгляд, которым я красноречиво просил ее помолчать, только произнесла: – Ой! Я, наверное, много болтаю. Меня всегда за это ругают.

– Ну, что вы, Машенька. Я очень рада с вами познакомиться, – успокоила ее Ядвига. Она говорила с мягким польским произношением.

Мы о чем-то беседовали тогда. Трудно даже вспомнить. Для меня все происходило, как в тумане. Кажется, она рассказывала, что приехала ненадолго и скоро опять отправится в Варшаву. Спрашивала меня о чем-то. Я отвечал невпопад. Подходили девушки и юноши. Она перекидывалась с ними короткими фразами. Они отходили. И Машенька нас оставила в покое, смешавшись с детьми, для которых тут же устроили танцы. А я не столько слушал, сколько с удивлением смотрел на красивое лицо, светлые тонкие локоны, спускавшиеся на стройную шею и белые плечи. Неужели, думал я, есть такие красивые девушки? Месье де Бельте восхищался мраморными статуями в Летнем саду, объяснял мне совершенство линий. Что за вздор! Разве может хоть одна мраморная красавица сравниться с этим совершенством, Ядвигой Понятовской!

– Ну, что же вы, Александр, – засмеялась Ядвига, чувствуя, что со мной творится. – Пригласите на мазурку, иначе сейчас меня уведет какой-нибудь другой кавалер.

Я очень старался, ведя ее по кругу. Но от чрезмерного усердия постоянно сбивался. Ядвига была чуть выше меня, но двигалась легко, словно пёрышко под дуновением ветра. Нисколько не огорчалась моим ошибкам и делала вид, что вообще не замечает, какой я увалень.

Когда вечер закончился, Ядвига позволила проводить ее до кареты. Я весь бурлил, находясь под впечатлениями столь чудесного вечера. Когда она уехала, ко мне подошел высокий статный юноша и тихим голосом, нагло сказал:

– Послушайте, вы.

Я повернулся, встретив холодный взгляд.

– Да, я к вам обращаюсь. – Он был высок, красив, года на два старше. Одет в элегантный французский камзол из коричневого бархата с золотыми пуговицами. Лицо бледное, с правильными чертами. Белокурые волосы вились чуть ли не до плеч. – Не много ли вы себе позволяете?

– Простите, – не понял я.

– Только что отсюда отъехала карета польской княжны Ядвиги Понятовской. Вы слишком долго, дольше, чем позволяет приличие, общались с ней.

Удивление сменилось на гнев:

– Кто вы такой, чтобы меня упрекать? – вскипел я.

– Ее брат и польский шляхтич. Запомните мое имя: Ян Понятовский.

Здоровенный слуга подвел к нему высокого коня. Он вскочил легко в седло и небрежно с высоты добавил:

– Надеюсь, вы впредь не будете досажать своим обществом моей сестре.

– Это почему же?

– Почему? – криво усмехнулся он, стараясь быть сдержанным. – Еще раз повторяю, Ядвига – польская княжна. А вы кто, сударь? – И ускакал вслед за каретой.

– Я, между прочим, русский дворянин, – хотел крикнуть наглецу вслед, но не сделал этого. Он все равно не обратил бы внимание на мои слова.

Месяц спустя я ходил в Гостиные ряды, купить книгу. Я давно к ней приглядывался. Наконец попросил у отца денег. Книга дорогая, о героическом морском путешествии Америго Веспуччи²⁷, известного итальянского автора, Бандини²⁸. Проходя мимо костела Святой Екатерины, вдруг увидел знакомую карету. Сердце так и замерло. Карета только подъехала, и лакей

²⁷ Америго (Амери́ко) Веспуччи (итал. Amerigo Vespucci, лат. Americus Vesputius; 9 марта 1454, Флоренция, Флорентийская республика – 22 февраля 1512, Севилья, Испания) – флорентийский путешественник, в честь которого, предположительно, была названа Америка.

²⁸ Анджело-Мария Бандини (итал. Bandini) – знаменитый итальянский ученый, родился во Флоренции 25 сентября 1726 года, умер в 1800 году. Бандини путешествовал по Австрии и Италии, пробыл некоторое время в Риме, где папа Бенедикт XIV просил его подробно описать найденный на Марсовом поле обелиск; в 1750 г. Бандини сделался библиотекарем Александра Маручелли, а с 1756 г. занял во Флоренции должность директора Лаврентьевской библиотеки.

в зеленой ливреи слезал с задка. Он распахнул дверцу, откинул ступеньку. Я подошел ближе и увидел, как из кареты выходит высокая худошавая дама в собольей шубке. А за ней...

Ядвига заметила меня, лучезарно улыбнулась и подозвала:

– Александр, я не ошиблась? – сказала она по-французски с мягким польским произношением.

Я тут же подлетел и подал ей руку, чуть не сбив лакея.

– Мама, это Александр Очаров, – представила она меня даме в собольей шубе.

– Чудесный ребенок, – безразличным тоном сказала дама, позволив поцеловать ее руку в шелковой перчатке, и направилась по лестнице в храм.

– Почему ребенок? – про себя обиделся я. Хотя она права. Мне тогда только исполнилось тринадцать.

– Вы не спешите, Александр? – спросила Ядвига.

Я? Спешу? Да я готов был забыть про все на свете, лишь бы лишнюю секунду побыть рядом с этим очарованием!

– Будьте так любезны, проводите меня в костел, – попросила она.

Оперлась на мою руку, в другой несла букет из красных и белых роз. Я вспыхнул от счастья и гордости. Сзади раздался стук копыт и ржание разгоряченного коня, которого резко, грубо осадил. Мы невольно обернулись. Всадник спрыгнул на землю, бросив лакею поводья, и поспешил в нашу сторону. На всаднике был надет красивый венгерский костюм для верховой езды с золотыми шнурами. И этим всадником оказался тот самый Ян, которого я уже успел возненавидеть.

– Где вы задержались? – накинулась на него дама.

– Прошу прощения, – вежливо поклонился он.

– И сколько вас просила: не носите так в городе. Зашибете кого-нибудь.

Он вдруг заметил меня, и взгляд его вспыхнул гневом.

– Не волнуйтесь, мама, – сказал он со злой улыбкой. – Уж если зашибу, то – кого надо.

– Хватит нести ерунду, – надоело старой княгине пустой разговор. – Доведите меня до храма.

Внутри, в правом пределе у входа покоилась мраморная плита, покрытая флагом Речи Посполитой²⁹: красное полотнище, в центре которого скакал белый рыцарь с занесенным мечом. Тут же лежало множество белых и красных роз. Ядвига положила сюда же свой букет. Я подождал, пока дама, Ядвига и ее брат совершат молитву, преклонив колени на бархатные подушечки. После помог Ядвиге подняться, и она отвела меня в главный зал базилики, где стояли ряды скамеечек, а в главном алтаре не было иконостаса, лишь только возвышался огромный деревянный крест. Пока старшая Понятовская беседовала со священником, Ядвига мне шепотом рассказала, что сегодня день смерти последнего короля Речи Посполитой Станислава Августа Понятовского³⁰. Он захоронен здесь, в Петербурге. Понятовских много в Польше и в России, но их семья принадлежит к королевской ветви этого рода. Сама Ядвига не любит заниматься политикой, она больше расположена к искусству, но мама – ярая сторонница воз-

²⁹ Речь Посполитая – федерация Королевства Польского и Великого княжества Литовского, возникшая в результате Люблинской унии в 1569 году и ликвидированная в 1795 году с разделом государства между Россией, Пруссией и Австрией. Располагалась преимущественно на территориях современных Польши, Украины, Белоруссии и Литвы, а также на части территории России, Латвии, Эстонии, Молдавии и Словакии. При наличии единого государственного устройства Королевство Польское и Великое княжество Литовское имели каждое свой собственный административный аппарат, казну, войско и законы. Главой государства являлся пожизненно избираемый сеймом монарх, носивший титул короля польского и великого князя литовского. Существовавший в Речи Посполитой специфический политический режим принято называть шляхетской демократией[1], по сути же режим был клерикально-олигархическим.

³⁰ Станіслав II Август Понятовський (польск. Stanisław August Poniatowski; 17 января 1732, Волчин[1] – 12 февраля 1798, Санкт-Петербург) – последний король польский и великий князь литовский в 1764—1795 годах.

рождения Великой Речи Посполитой, поэтому каждый год приезжает на могилу Станислава Августа и совершает молебен.

Я посадил Ядвигу в карету. Она попрощалась со мной, сказав, что уезжает надолго в Варшаву, и неизвестно, когда вновь посетит Петербург. Мне стало грустно, когда карета отъехала.

– Я вижу, вы не понимаете слов, сударь, – услышал я ледяной голос брата Ядвиги. – Мне кажется, вас предупреждали.

Я повернулся и бесстрашно посмотрел прямо в его серые глаза. Он был всего на полголовы выше меня и задрал подбородок, чтобы казаться еще выше. Но я ему ответил:

– Не старайтесь запугать меня, сударь. С кем хочу, с тем и общаюсь.

– Моя сестра, возможно, станет королевой Польши. Вы хоть это понимаете?

– Возможно, – подчеркнул я. – И, насколько мне известно, на данный момент такого королевства не существует.

Все мышцы его лица окаменели. Он быстро стянул перчатку с правой руки, намереваясь дать мне пощечину, но с паперти его окликнул падре и приказал немедленно прекратить ссору.

– Думаю, наши дороги когда-нибудь пересекутся, – холодно кинул он, запрыгивая в седло. Дал шпоры, и бедное животное рвануло вперед, чуть не поскользнувшись на мерзлой мостовой.

Да. Все это происходило год назад. И чего вдруг я вспомнил об этом? Захотел еще раз увидеть Ядвигу. Наверняка, она стала настоящей красавицей. А я за этот год сильно подрос, наверное, теперь выше ее, и, если вновь выпадет счастье танцевать с ней, я не буду испытывать неловкости.

Мои воспоминания прервал всадник на высоком белом коне. Он влетел в наш двор, чуть не сбив меня. Высокий кивер с султаном, голубой ментик с золотыми шнурами и отороченный мехом, синие расшитые чикчиры. По форме – гусар, только я не мог вспомнить, в каком полку носят такую форму. Да и самого всадника сразу не признал. Но лишь только он лихо спрыгнул с коня, конечно же, перенеся ногу спереди, я сразу понял кто это. Дядька! Василий! Я обрадовался, кинулся к нему. Он меня обнял.

– Что за форма у вас? – удивился я. – Это же гусарская. Да странная какая. Вы же уланом были.

– Перевожусь брат, – в Гродненский гусарский.

– Здорово! – искренне обрадовался я. – В гусары?

– В гусары.

– А у нас долго будете?

– На денек заехал, – разочаровал он меня.

– Почему?

– И без того еле отпросился. Я ж не просто так заехал. С днем рожденья тебя решил поздравить.

– Так... Мы же не справляем, – погрустнел я. – Нынче – траур.

– Знаю. Но не могу же без подарка оставить любимого племянника, да простит меня Господь. Захар, где ты там запропастился? – крикнул он.

– Здесь я. – Старый казак на гнедой кобыле въехал во двор, ведя за собой расседланного Грома. Конечно же, это он, широкогрудый, высокий, гордый.

– Бери. Он – твой.

Я застыл на месте с раскрытым ртом. Не мог поверить. Мне? Это чудо? Но почему?

– Я помню, как ты на него глядел. Бери! С днем рожденья, племянник!

Василий и мой отец всю ночь просидели в диванной. Перед ними на столике покоилась в серебряном ведерке бутылка шампанского. Два тонких бокала, две оплывшие свечи, две просмоленные трубки. Они разговаривали о чем-то, смеялись, иногда вздыхали, попыхивая турец-

ким табаком или потягивая игристое вино. Никто не смел им мешать. Два близких человека встретились после столь долгой разлуки. Как будто жили на разных берегах, грустили друг о друге, а руки протянуть не могли.

А наутро, чуть свет – Василий ускакал в полк.

Папенька заглянул со мной в конюшню.

– Ух! – только и смог сказать он, увидев Грома.

– Ладно, дам тебе прокатиться, как-нибудь, – пошутил я.

– Дерзишь! – в шутку погрозил он мне пальцем.

Глава пятая

За ужином мама объявила, что к нам в гости на новогодние праздники приезжает ее старшая сестра Ильза из Риги со всем семейством. Утром с посыльным пришло письмо. Отец одобрительно кивнул. Конечно, ему будет теперь с кем коротать вечера. Муж тетки был известный в Риге доктор, к тому же военный в чине полковника. Сестры завизжали от радости. Приедет их любимая кузина Анна. Я тоже сделал вид, что радуюсь, хотя в душе сильно разочаровался. Ох уж эта кузина Анна!

Позапрошлым летом мы ездили в Ригу к этим самым родственникам. Небогатые немецкие обрусевшие дворяне, добродушные, но со строгими, никому не нужными правилами: завтрак ровно в семь, гулять только с гувернанткой, кучера звать по имени, отчеству, ложиться спать ровно в девять – и прочее, к чему я был не совсем привычен.

Но самое ужасное – это кузина. Рыжая костлявая девчонка на два года младше меня. Зазнайка, каких мало встретишь. Как вспомню ее курносенький нос, усыпанный веснушками и холодные светлые глаза, да еще свои белесые брови нахмурит, так и хочется треснуть ее... Была бы она мальчишкой, ох, получила бы.

Увидев меня впервые, она окинула взглядом мой костюм и поучительным тоном произнесла:

– Такие жабо уже не носят, а чулки по тону не подходят к вашему сюртуку.

Я даже оторопел после такого приема. Она мне протянула свою тонкую руку для поцелуя. Но я не стал этого делать, а лишь поклонился, чем разозлил девчонку. С этого дня мы стали врагами.

Сестры, так те сразу признали в ней жоака. Именно она выбирала, куда мы пойдем, и во что будем играть. Во всех наших детских играх мне всегда доставались невыгодные роли злодеев или чудовищ. В конце концов, я удирал из дома и играл с местными городскими мальчишками, за что меня нередко ругали. Кузен, старший брат Анны, походил на кузнечика: высокий, нескладный, и точно такой же зазнайка.

– Со мной тебе будет скучно, – говорил он, когда я просил взять меня с собой в город. И произносил это таким тоном, будто: нужен ты мне больно! Очень надо возиться с малявкой.

Когда мы уезжали от них, я был несказанно рад. А эта маленькая ведьма специально у всех на виду сунула мне руку почти к подбородку. Я вынужден был поцеловать эту бледную холодную лягушачью лапку. А она криво, победно ухмыльнулась.

А может и лучше, что они приезжают. Я этой Анне приготовлю сюрприз, который она надолго запомнит. Я начал выдумывать, чтобы этакое сотворить? Какую свинью подкинуть? Представлял, как скривится ее большой рот и посинеет тонкое лицо в веснушках, а белесые брови сойдутся домиком, и она захныкает.

Но что-то ничего в голову не шло. Да и зачем делать подлости, да еще девчонке. Что за ребячество? Просто не буду с ней общаться – и всего-то.

Добротная карета немецкой работы на крепких рессорах въехала во двор. Бородатый кучер в двубортном пальто лихо управлялся с четверкой уставших лошадей. Карета еще не остановилась, а из распахнувшейся дверцы выпрыгнул немецкий дядька. Как всегда, в пехотном мундире полковника, в начищенных до блеска сапогах. Усы лихо закручены и напояжены. Вид такой, как будто он только что вышел из гардеробной, а не проехал сотни миль.

Он подал руку, помогая худощавой даме, очень похожей на мою матушку, но чуть старше, выйти из кареты. Отец тут же бросился обниматься с полковником и целовать руку даме. Мама влилась в общее веселье.

– Соболаговолите помочь мне выйти.

Эти слова отвлекли меня от сцены семейной радости, на которую я невольно засмотрелся. Я заглянул внутрь кареты. Кто это? Кузина? Нет, не она. Да нет же – кузина. Та злая рыжая девчонка? Она выглядела совсем иначе. Узкое бледное лицо приобрело женственные плавные черты. Не до конца, конечно, но это была уже не девочка, а девушка с холодной северной красотой. Элегантная меховая шляпка с опушкой казалась ореолом. Тонкая, почти невесомая кисть, обтянутая атласной перчаткой, оперлась о мою поданную руку. От этого прикосновения горячая волна пробежала по всему телу.

– Ведите меня в дом, кузен Александр, – мягко сказала Анна. Я не узнал ее голос, совсем не писклявый, а бархатный, сдержанный.

– Прошу, – промычал я, смущаясь.

Она шла чуть впереди, легко, грациозно. Да нет же, это не кузина! Не прежний костлявый лягушонок. Что же с ней произошло. Не иначе кто-то спалил в очаге ее шкурку. Белая заячья шубка мягко колыхалась складками меха, источая неземной аромат. Да что это с ней произошло? Она ли это?

– Как же ты повзрослела, Анна, – обняла ее моя мать.

Лакей Прохор хотел помочь снять шубку, но я отстранил его и сам принял легкий, пушистый кокон, из которого выпорхнула бабочка в голубом атласном платье. Стройная, с тонкой талией, с красиво развернутыми плечами, пусть еще слегка костлявыми, но уже принимавшими очаровательную женскую округлость. А когда она развязала ленты на шляпке и отдала ее лакею, я совсем растерялся, увидев тонкую, гордую шею, красиво убранные белокурые волосы. Возможно, все это мне показалось. Возможно, Анна – обыкновенная девчонка, коих встретишь повсюду. Но еще никогда от вида девушки у меня не переворачивалось все внутри. Не замирало дыхание, не холодели руки. За несколько мгновений я понял всех влюбленных героев, прочитанных мной романов, над чувствами которых раньше смеялся. Теперь я их мог понять.

За ужином мое место за столом оказалось напротив Анны. Взрослые весело о чем-то спорили, поднимали бокалы, вспоминали свою неугомонную юность. Наверное, их воспоминания были интересными. Однако я ничего не слышал, уперся в тарелку, но взгляд сам, помимо моей воли, поднимался, и я видел перед собой ее нежное лицо, аккуратно убранные светлые волосы, длинную красивую шею, открытые худенькие плечи, удивительно красивые руки. Все ее движения были неторопливые, грациозные. Когда за беседой обращались к ней, она расцветала обворожительной улыбкой. Улыбались не только губы, но и глаза, и тонкие реснички, и светлые брови, и, казалось, даже маленький изящный носик. На щеках появлялись ямочки.

Когда же она замечала, что я пристально ее разглядываю, лицо сразу становилось холодным, а взгляд серых глаз леденел. Я тут же утыкался в тарелку и чувствовал, как мои уши начинают предательски пылать.

– Кузен, Александр, – услышал я тихий, властный голос. – Передайте, пожалуйста, соус.

Я не сразу понял, что она обращалась ко мне. Поднял глаза и встретился с пронзительным холодным взглядом.

– Ну, что же вы, кузен Александр, – говорили ее алые губы, а я по-прежнему ничего не понимал.

Сообразительный лакей Прохор хотел помочь мне, потянулся за соусом... В это время я привстал, и тоже потянулся. Мы неловко столкнулись, соусник перевернулся, разливая по белой брабантской скатерти темно-красную лужицу. За столом повисла неловкая тишина. Прохор моментально убрал соусницу на поднос, второй лакей тут же салфеткой промокнул лужицу. Все смотрели на меня с немим осуждением, а я готов был провалиться сквозь землю от стыда. Отец выручил.

– Так, на чем мы остановились? – обратился он к доктору, возобновляя беседу.

– Экий вы неловкий, – покачала головой кузина Анна. И вновь принялась за еду.

На следующий день, утро выдалось морозное и солнечное. Яркий свет проникал в мою спальню сквозь заиндевшее окно. Я расчистил ледяной узор на стекле и увидел, как готовят каток. Неву прихватило намертво, и теперь дворники у спуска с набережной расчищали лед широкими лопатами. Что мне нравилось в зимних забавах, так это – коньки, да еще в такой ясный день. После завтрака я отпросился у отца сходить на каток.

– Ты пойдешь один? – поинтересовался родитель.

– С Жаном, – ответил я.

– Возьми Машу, она ведь тоже любит коньки – настоял отец.

Ну, вот! Придется еще с сестрой возиться.

– И Анну пригласи, – добавил отец.

Анну? Мной овладела какая-то робость. А как ее пригласить? Просто позвать? Разве так можно?

Комнаты девочек находились наверху. Я бодро взбежал по лестнице, но на последних ступенях ноги отказались идти. Как же ее пригласить? – Не желаете, Кузина, сходить на каток? Или: – Могу я вас пригласить покататься на коньках? А если она ответит: – Нет!? С вами мне не хочется. Вы – растяпа, каких свет не видывал. Может, лучше передать приглашение через горничную. Или Машу сперва кликнуть. Да где же горничная Дуняша?

Сделав несколько трудных шагов, я застыл у двери перед комнатой девочек, не решаясь постучать. Прислушался, но с той стороны не доносилось ни звука. У меня не было сил дотянуться до медной сияющей ручки. Мне казалось, что по ту сторону сейчас находится волшебное королевство, где живут феи... Там владение прекраснейшей Анны, самой главной волшебницы...

– И что вы замерли, как статуя командора? – услышал я сбоку голос феи. Вздрогнул всем телом. Оказывается, Анна сидела на подоконнике в холле и читала книгу. Тяжелая занавесь скрывала ее. Теперь же она грациозно спустилась с подоконника и торжественно прошла мимо меня. Отворила дверь. – Вы хотели пригласить меня на каток, я правильно поняла? – Внимательно посмотрела мне прямо в глаза, отчего я действительно чуть не превратился в статую.

– Буду безмерно счастлив... – пробурчал я.

– Так подождите внизу. Мы сейчас с Машей оденемся и спустимся.

Я выдохнул. Все оказалось намного проще.

Овал катка походил на зеркало в снежной оправе. Озябший оркестр играл фальшиво, но задорно. Тут же толкались торговцы с горячими калачами и медовым сбитнем. А на катке множество людей. Не смолкал гомон, смех. Пузатые чиновники не спеша катят, о чем-то важном беседуя. Молодые барышни, спрятав руки в меховые муфты проносятся, словно стайка стрижей, весело щебеча. За ними следом их кавалеры, гордо вздернув носы. Низенький господин, часто перебирая ножками, толкает перед собой финские сани, в которых сидит толстая дама преклонных лет. Кто-то неловко упал, и вокруг все засмеялись. Неудачника поднимают, отряхивают, а он снова выкидывает коленца и валится, да еще товарищей сбивает с ног.

Мы спустились по каменной лестнице. Маша тут же пристала к Жану:

– Вы будете меня вести. Я плохо стою на коньках.

– Буду безмерно счастлив, мадмуазель, – с готовностью ответил Жан.

Степан принял наши шубы и встал в сторонке.

– Вот же странная забава, – усмехнулся он. – Эдак шлепнешься, и зубы здесь оставишь.

К нам тут же подошел распорядитель катка с большим ящиком, в котором лежали коньки. Подобрал нам пары. Деревянные дощечки по форме ступней с тонкими шнурками, а снизу прочно приделаны отточенные лезвия коньков. Носы изящно загнуты. Распорядитель долго возился, подбирая Машеньке пару на ее маленькие ножки. Мы с Жаном сами быстренько нашли нужные коньки.

– Вы мне поможете, кузен Александр, – попросила Анна.

Я присел и аккуратно затянул шнурки коньков на её тонких замшевых сапожках. – Спасибо. Вы очень любезны.

От этих слов, от ее бархатного голоса сердце превратилось в кузнечный молот, бьющий со всей силы о наковальню.

Оркестр грянул мазурку. Подлетел какой-то щеголь, лет шестнадцати.

– Позвольте вас провести по кругу? – Протянул он Анне руку в лайковой перчатке, с видом, не приемлющим возражений. Я готов был разорвать его на части. Что за наглость? А Анна? Неужели она согласится?

– Мерси, – ответила девушка холодно, кокетливо склонила головку, – но я уже занята. Может, в следующий раз.

В душе у меня взорвался салют.

Щеголь пожал недовольно плечами и поехал искать другую пассию. Заметив мое напряженное выражение лица, она звонко расхохоталась. Неужели все поняла?

Я вел Анну по кругу. Снял свою перчатку, чтобы лучше чувствовать тепло ее тоненьких пальчиков под меховой варежкой. Она прекрасно стояла на коньках. Мы резво скользили, лавируя между грузных дам и важных господ. Анна порозовела от морозного воздуха. Она задорно смеялась, показывая ровные белые зубки. Ямочки на щеках так и играли. А когда я не рассчитал скорость и на повороте свалился в сугроб, она налетела на меня. Мы сидели в снегу и долго хохотали.

Домой вернулись мокрые, разгоряченные... Я никогда до этой поры не испытывал столь странного чувства: сочетания высшего счастья и безграничной свободы, когда весь мир с его радостями и горестями теряет смысл перед одной ее улыбкой. Вся философия вселенной заключена в ее загадочном, манящем взгляде. Она и есть – вселенная.

Но чудеса в этот вечер не закончились. Отец вызвал меня в кабинет. Показал красочный конверт.

– Князь Аршинский, Илья Егорович, устраивает детский крещенский бал в честь своих дочерей. Вот, прислал тебе приглашение.

– Но, отец, у нас траур. Я не могу пойти. Да и что там интересного? Соберется детвора... Какие-нибудь глупые игры затеет гувернер. Потом всех угостят сладостями и устроят танцы под клавесин.

– Не совсем, – качнул головой отец. – Дочерям его исполнится четырнадцать, так что, приглашены отроки твоего возраста, ну и чуть постарше, но детворы, как ты выражаешься, там точно не будет. Заказан оркестр из Императорского театра³¹, а не один пианист. И, я, конечно, этого не одобряю, на столах выставят слабое шампанское.

Настоящий бал! Вот это – здорово! Я еще никогда не присутствовал на настоящем балу. Пусть для подростков, но с оркестром, с шампанским! Не утренняя до обеда, а настоящее ночное веселье. Раньше меня вечно приглашали с Машей на скучные утренники для малышни с шоколадными тортами и крюшоном. А тут!..

– Но, отец, у нас траур, – напомнил я еще раз.

– Я знаю. Замолю как-нибудь этот грех за тебя. Хочу, чтобы ты сводил Анну. Когда еще ей удастся к нам выбраться и посетить настоящий петербургский бал?

С Анной на бал? На настоящий бал! Я буду с ней танцевать! Это – сказка! Чудесная сказка!

Я пребывал в полной растерянности, перебирая свой гардероб. Как же я покажусь с Анной на балу, если у меня вся одежда какая-то мальчишеская. Мы с Жаном и с гувернером

³¹ Императорские театры России – театры, существующие за казённый счет, находившиеся в ведении царского двора. Существовали с 1756 года по 1917 год; также назывались придворными театрами.

месяе Де Бельте перевернули ворох одежды, но я так ничего и не подобрал. Мне казалось – все не то, блузка слишком широкая. Фрак совсем не идет к панталонам. А башмаки с какими-то дурацкими пряжками.

Постучался Степан, сказал, что карета готова.

– Ой, барин, так вы еще не при параде, – всплеснул он руками.

– Я не знаю, что надеть, – с отчаяньем в голосе выпалил я.

– Вы, прям, как покойный граф наш Петр Васильевич, царство ему небесное. Тоже вечно, как собирается куда, не знал во что рядиться. А батюшка мой ему говорил: – Бросьте, Петр Васильевич выкаблучиваться. Наденьте, что первое под руку попало.

– И что? – не понял я.

– И получалось, – усмехнулся Степан.

Я так и поступил. Что попало – то и надел. И тут Степан оказался прав. Надо же – сработало! Платье сидело на мне ладно и в тон. Колдун этот Заречный, не иначе?

Анна грациозно спускалась по лестнице в чудесном розовом легком платье, перехваченное пояском чуть выше талии. Казалось, плыла по воздуху, не касаясь ступеней. Как же она была прекрасна и воздушна. Завитые локоны, дерзко спускавшиеся на виски, делали ее еще детское лицо строже. Маша робко провожала ее, шагая чуть сзади. Она с восхищением смотрела на кузину, улыбалась, но с глаз готовы сорваться слезы. Обидно, что ее не взяли. Но ничего не поделаешь – она еще маленькая.

Степан подогнал карету. Я помог Анне подняться. Сам с Жаном сел на против. Невский загадочно светился вечерними фонарями и большими окнами магазинов. Народ гулял, несмотря на мороз. Множество саней и карет проносилось мимо. Вскоре мы подъехали ко дворцу на набережной Фонтанки. Окна сияли от сотен свечей. Хрустальная музыка выливалась на улицу. Пришлось стоять в очереди из карет, пока мы не попали к парадному подъезду. Лакеи в красивых красных ливреях встречали нас.

Я повел Анну по широкой мраморной лестнице с золочеными перилами. Наверху гостей встречал хозяин дома, князь Аршинский и две его очаровательные, пухленькие дочери-близняшки.

– Ах, Александре Очарофф, – в нос, на французский манер произнес князь, с прищуром разглядывая нас сквозь серебряный лорнет. – Вы возмужали за последний год. А что за очаровательная спутница с вами?

– Моя кузина Анна, – представил я. Поцеловал пухленькие ручки в атласных перчатках именинницам.

– Прошу вас в зал, – попросил князь, и уже раздавал скудные комплименты следующим гостям.

Мы летали и кружились, едва касаясь навощенного до зеркального блеска, паркета. Музыканты Императорского театра играли отменно. Вокруг стройные юноши во фраках, камзолах, словно кузнечики и хрупкие девушки, похожие на пестрых мотыльков. Все вертелось и дышало весельем. Настоящая феерия!

Анна попросила передышки. Я подвел ее к диванчику с полосатой атласной обивкой. Тут же лакей предложил ананасовый сок и шампанское.

– О, нет, нет, – отказалась Анна от шампанского. Пригубила сок.

– Позвольте вас на тур вальса.

Перед нами вырос белокурый статный юноша в сером мундире польского улана. Он был чуть старше меня, чуть крупнее, но держался так, будто бывалый вояка – небрежно, нагло, как мне показалось. В общем – неприятная личность. С неудовольствием я узнал в нем Яна Понятовского. Черт! Откуда он тут взялся?

– Мадмуазель устала, – холодно сказал я.

Он кинул в мою сторону взгляд полный презрения, и вновь обратился к Анне:

– Я настаиваю. Будьте моей Терпсихорой³².

Я хотел поглубже отшить этого наглеца в польском мундире, но к моему удивлению, Анна грациозно поднялась и протянула ему руку, при этом лицо ее просияло.

Как же так? Мое неожиданное счастье также неожиданно рухнуло, словно подпиленное дерево. Я растерянно следил, как этот наглец повел Анну чуть ли не в центр залы и закружил, понесся по кругу, словно в галопе. Движения небрежные, развязанные, но умелые. А она? Она подчинялась каждому его шагу. Мне он представлялся отвратительным пауком, поймавшим в сети несчастную бабочку...

– Ах, какой красавец, – услышал я слова князя Аршинского, сквозь лорнет, разглядывающего танцующих, и говорил он именно о пауке в польском мундире. – Статен, ловок... Экий жених...

– Ну, что вы, папа, – смущенно отвечали близняшки – дочери, краснея.

– Говорят, у его матери огромные имения в Малороссии, с неплохими доходами, – продолжал размышлять князь, уже для себя, прикидывая, как бы можно было выгодно пристроить одну из дочерей.

Музыка плавно стихла, и этот паук-красавец, вместо того, чтобы проводить свою пассию на место, ко мне, – повел Анну в другой конец зала и усадил на неудобный маленький стульчик. Я поспешил к ним. Анна счастливая, раскрасневшаяся, обмахивалась веером. В танцах объявили перерыв, дабы дать музыкантам минутную передышку.

– Позвольте пригласить вас на мазурку, – сказал я.

– Ах, Александр, – растерянно произнесла Анна, – но я уже обещала мазурку.

– Кому? – моему возмущению не было предела.

– Мне, – возник вновь польский наглец и протянул Анне бокал с искрящимся шампанским.

– Но, Анна, вы приехали со мной, – в отчаянии воскликнул я.

– Я же не могу теперь отказать, – в ее голосе послышались металлические нотки раздражения.

– Не расстраивайте девушку. Пойдите, поищите себе другую пассию, – ухмыльнулся поляк.

Негодование обуяло мной после столь наглого предложения. Да как он смеет мне указывать!

– А не пойти бы вам поучиться вежливости, – заявил я.

Лицо поляка напряглось, на бледных щеках проступила краска.

– Уж не вы ли хотите стать моим учителем? – прошипел он.

– С удовольствием. Люблю учить наглецов. Только, вот, перчатки сменю на другие, чтобы не запачкать.

Его всего перекосило. Он очень тихо произнес:

– Извольте следовать за мной.

– Александр! – кузина вскочила со стула. Она не на шутку перепугалась. Грудь ее часто вздымалась. Губы дрожали.

– Не беспокойтесь, мадмуазель Анна, – нагло-вежливо поклонился поляк. – Мы лишь на пару слов..., – и он величественно зашагал к выходу.

– Александр, не смейте, – пыталась удержать меня Анна.

Я обернулся и холодно взглянул на нее, – поздно! – отчего она чуть не потеряла сознание.

На крыльце гулял холодный ветер, пытаюсь задуть пламень фонарей. Никого вокруг, только голые черные деревья и высокие сугробы.

³² Терпсихора (др.-греч. Τερψιχόρη) – муза танца. Персонаж древнегреческих мифов, популярный образ и символ в искусстве. Согласно Диодору, получила имя от наслаждения (терпейн) зрителей являемыми в искусстве благами.

Поляк, шедший впереди, резко обернулся.

– Будьте добры объясниться! – потребовал он.

– Это вы будьте добры объяснить свое наглое поведение!

– Если мадмуазель Анна – ваша кузина, это еще не значит, что вы должны ей указывать: с кем танцевать.

– Если на вас военный мундир, это еще не значит, что вам все дозволено.

– Мой мундир, – прорычал он, багровея, – Мундир великого Войска польского.

– И что с того? Да вы на коне хоть умеете сидеть?

– Я – корнет уланского полка! – затрясся он от злости.

– Всего лишь – корнет, – зло усмехнулся я.

– Хотите испытать мой удар?

– Когда угодно и где угодно, – горячо выпалил я.

– Здесь и сейчас. У меня в карете есть сабли. Вам первый выбор.

– Кого выберем в секунданты?

– С моей стороны – мой ординарец.

– Хорошо, а с моей – кучер.

– Что? – возмутился он. – В секунданты мужика?

– Можно подумать, ваш ординарец из благородных кровей.

– Он – поляк, и этого достаточно.

– И что с того? – зло усмехнулся я. – С каких это пор польские мужики стали выше русских мужиков?

– Довольно! – зло прошипел улан. – Это смешно, в секунданты – мужиков. Что за варварство?

В это время в дверях показался Жан. С растерянным видом глядел на нас.

– Он будет секундантом, – указал я на Жана.

– Что произошло? – не понимал мой друг.

– Этот мальчишка хоть разбирается в правилах дуэли? – высокомерно ухмыльнулся поляк.

– Он – дворянин, к тому же – француз. Или этого вам тоже недостаточно? – спросил я сквозь зубы.

– Че сем стало, пане Янек? – из темноты вышел здоровый улан с длинными свисающими усами. Его шинелью можно было укрыть лошадь. А в один сапог поместилось бы две мои ноги.

– Допровади саблям, Петер.

– Пан Янек, для чего тегун?

– Не пытай, а выконый, – прикрикнул он требовательно.

– Сухач, – приложил два пальца к своей конфедератке усач и отправился выполнять приказ.

– Ну? – оценивающе оглядел он меня с ног до головы. – С чего начать? Ухо обрезать или сами прощение попросите?

– Чье ухо окажется на снегу, тот и просит прощение, – небрежно ответил я.

– Предупреждаю, – высокомерно произнес пан Янек. – Я отличный фехтовальщик.

– Поэтому побоялись стреляться?

– Польский улан ничего не боится! – вновь вышел он из себя. – Хотите пистолеты – будут вам пистолеты.

Появился Петр, неся в руках две сабли.

– Ровно минуту бьемся на саблях. Если сможете устоять против меня – стреляемся. Прошу, – позволил мне наглец первому выбрать оружие.

Я вынул из ножен тонкий, почти прямой клинок. Этот подойдет. Вторым больше напоминал палаш, тяжелый и длинный. Поляк уверенно вынул его из ножен и мастерски продемонстрировал владение столь грозным оружием, со свистом рассекая воздух.

Вот тут я вдруг осознал всю безнадежность моего положения. Меня учили красиво фехтовать шпагой, но с саблей я дело не имел. А по тому, как мой противник уверенно держит оружие... Я представил, как мое ухо окровавленным кусочком мяса шмякается в снег.

– К чему тянуть? Приступим, – уверенно сказал поляк, – Вон там внизу под фонарями отличная позиция.

Мы спустились и стали друг против друга на расстоянии двух шагов.

– Господа, господа! – жалобно пищал Жан, – поговорим о примирении.

– К черту! – рявкнул на него поляк. – Следите за дуэлью – и покончим на этом.

– Ага, – довольно хихикнул Петр, покручивая ус. – Вы, только пани Янек этого воробушка не загубите. Так, огрейте его пару раз плашмя по башке, чтобы мозги на место встали.

– Господь с вами! – запыхавшийся Степан встрял между мной и моим противником, – Христом-богом прошу, – остановитесь.

– Мужик, тебе чего надо, – скривил в презрительной усмешке полные губы пан Янек. – Здесь благородные господа выясняют спор. Это твой слуга? – крикнул он мне. – Убери его.

– Степан, – тихо сказал я.

– Барин, опомнитесь, – пытался он вразумить меня.

– Степан, не позорь меня. Вызов уже сделан. Я не могу отказаться от поединка.

– Но, барин!

– Уйди, – тверже сказал я. – Я защищаю свою честь. Не мешай.

Степан отступил, растерянно разводя руками.

– Платочек чистый приготовь, – издевательски крикнул ему Петр. – Ухо отрубленное завернуть.

– Может, хватит болтовни? Приступим, наконец, – осадил я наглеца.

– Действительно, – согласился Янек. – Скоро продолжатся танцы, а мне Анна обещала мазурку.

– Прекратить! – к нам быстрыми шагами приближался князь Аршинский, хозяин дома. За ним двое лакеев несли фонари. Из-за его спины выглядывала испуганная Анна.

– Что вы здесь устроили? Как посмели в моем доме? Мальчишки! – грозно кричал он, брызгая слюной.

– О, князь, я просто показал моему другу оружие, что мне прислал дядя из Персии. – Поляк подошел ко мне и крепко обнял за плечи, как хорошего друга. Меня всего перекошило от отвращения.

– Не смейте врать, – погрозил кулаком князь. – Вы, надевший мундир, смеее устраивать дуэли, да еще с кем? С неоперившимся юнцом. Вы подумали о последствиях?

– Простите, князь, но мы взрослые люди и способны сами отвечать за свои поступки, – вмешался я.

– Что? – глаза Аршинского чуть не вылезли из орбит. – В моем доме! Да вы... Что это такое? Оба – вон! Во-он! Не желаю вас видеть!

Пришлось уезжать с позором со столь чудесного вечера. Анна забилась в угол кареты бледная и сердитая. Жана до сих пор трясло. Но он все повторял с облегчением:

– Tout a! Tout a! Ave Marie, sauvegarder et protéger!³³

А из дворца сквозь высокие яркие окна продолжала литься музыка, мелькали танцующие пары. Сновали лакеи, серебряных подносах напитки и тарталетки. Но для нас праздник закончился.

³³ Все обошлось! Все обошлось! Святая Мария, спаси и сохрани! (фр.)

Вдруг карета резко остановилась.

– Куда прешь? – раздался грозный окрик Степана.

– Сам – прочь с дороги! – раздался в ответ.

Я глянул в окошко. На выезде из двора наша карета чуть не столкнулась с другой, тоже пытавшейся выехать. На облучке сидел Петр, ординарец моего недруга. Да он и сам высунул белокурую голову, узнать: что произошло.

– Подай назад! – требовал Петр, замахиваясь кнутом.

– Сам подай, – отвечал на это Степан. – Только попробуй, – указывал он на кнут, – враз тебе руку перешибу.

– Може, по-мужски спор решим? – соскочил на землю Петр.

– Проучи-ка этого мужика, – подбодрил его Янек.

– А, давай, – согласился Степан, одним взмахом скинул с себя тулуп и спрыгнул на землю.

– Что же вы? Остановите их! – испугалась Анна.

– Степан, прекрати, – я выскочил из кареты.

– Испугался за своего мужика, – усмехнулся Янек. – Сейчас Петр ему поправит рожу.

– Степан! – в отчаянии крикнул я.

Заречный обернулся и хмуро посмотрел на меня:

– Не мешай, барин. Теперь я за свою честь постою.

Вокруг собрались зеваки. Мужики подзадоривали драчунов. Бабы грозились кликнуть городского, если они не прекратят...

– Поглядим, как ты удар держишь, рожа москалева, – грозно надвинулся на Степана Петр, размахнулся и со всей дури стукнул огромным кулаком ему в грудь. Степан крикнул, отшатнулся, но устоял.

– Слабовато бьешь, – хрипло выдал из себя и в ответ саданул по груди поляка так, что тот попятился и чуть не сел.

– Ох, – потер он широкой ладонью ушибленную грудь, – а в лоб выдержишь?

Степан чуть не свалился, приняв удар в лоб, сделал пару шагов назад, тряхнул головой. Весело оглядел замершую толпу.

– Не понял что-то я, кто снежками кидается? Эй, поляк, получи в ответ, – да так врезал в лоб Петру, что тот грохнулся в сугроб, под хохот собравшихся людей. Конфедератка отлетела в сторону.

– Ах, так! – взревел Петр. Поднялся и кинулся на Степана.

Посыпались удары. Но бойцы не уступали друг другу в силе, нещадно молотили в лоб, по уху, в скулу... Вновь зеваки подзадоривали драчунов, а бабы голосили, зазывая околоточного.

– Александр, умоляю, остановите! – чуть не плакала Анна, с ужасом глядя на кровавую, остервенелую драку двух здоровых мужиков.

Но все закончилось без моего вмешательства и помощи околоточного, который уже расталкивал толпу, пробираясь к месту поединка. Степан удачно врезал противнику в нос, так что кровь брызнула во все стороны, а потом еще раз – снизу в челюсть. Громко клацнули зубы, и поляк, раскинув руки, грохнулся в снег. Степан издевательски поклонился Янеку:

– Прошу, пане, забирай свою дохлятину.

Взобравшись на козлы, он спокойно накинуд тулуп, щелкнул кнутом по мордам лошадей польской упряжки. Те подались назад. Заднее колесо въехало в сугроб, и карета угрожающе накренилась.

– Что за беспорядки? – грозно закричал околоточный, наконец-то оказавшийся на месте.

– Да, вон, мужик какой-то пьяный валяется, – простодушно ответил Степан. – Посторонись, служивый. Не видишь, графа везу.

Я уже сидел в карете. Мимо меня проплыло разъярённое лицо Янека.

– Жду вашего секунданта, – крикнул он вслед. – В любое время и в любом месте.

– Обязательно пришло, – ответил я с напускным равнодушием.

– Что вы наделали? – Анна плакала в углу кареты. – Видеть вас не могу...

Мне самому было ужасно неприятно. Что за глупая ссора? Но я должен был отстоять свое имя! Как же иначе? Всегда так решают споры.

Отец вызвал меня в кабинет. Мрачно оглядел с ног до головы и каменным голосом произнес:

– Я требую объяснений.

– В чем?

– О твоём поступке, достойном сопливого мальчишки.

– Разве отстоять свою честь – это поступок сопливого мальчишки?

– Кто позволил тебе братья за оружие?

– Моя гордость и мое имя.

– Но ты не умеешь владеть саблей. Если бы этот улан раскроил тебе череп?

– Тогда бы никто не посмел сказать, что я трус и не достоин звания русского дворянина.

– Да что за бравада? – возмутился отец. – Вижу, заранее подготовил речь. Но помимо гордыни, надо еще мозги иметь. Весь город говорит о вашем скандале. Не хватало, чтобы тебя еще вызвали в ведомство полиции и учинили допрос. Представляешь, каково мне будет краснеть за тебя?

– Прости, отец, – осознал я справедливость его упрека. – Но тогда скажи, как мне надо было поступить.

– Уладить миром.

– То есть – просить прощения у этого наглеца? – вскипел я.

– Нет, надо было быть умнее и не доводить дело до скандала.

Вот тут – он прав. На это я ничего не мог возразить. Это же я первым задел поляка. Ну, провела бы с ним пару танцев Анна – ничего страшного. Она девушка разумная, все равно потом бы танцевала со мной...

– Прохор, – кликнул отец лакея. Тут же появился в дверях слуга. – Позови Степана.

Осторожно вошел Заречный и робко поклонился. Понимал, зачем позвали.

– Кликали меня, барин? – прорычал виновато он.

– И что у тебя с лицом?

– А, это? Так, забава есть такая русская, кулачная, – начал оправдываться Степан, криво улыбаясь разбитым ртом.

– Поляков бить? Так? – закончил за него отец.

– Извини, конечно, барин, но рожей москалевой я себя безнаказанно обзывать не позволю, – тут же распалился Степан.

– И этот – гордец! – раздраженно воскликнул отец. – А как ты с такой рожей завтра меня к градоначальнику повезешь? Да потом по строительным делам?

– Ну..., – Степан осторожно потрогал фингал под глазом, оплывшую губу. – Воротником прикроюсь.

– Воротником! – передразнил его отец. Открыл шкатулку, что стояла на столе, вынул ассигнацию. – Поди к доктору Ивонталю, пусть тебе надрез сделает, да кровь выкачает. Примочку купи в аптеке...

– Да, само пройдет, – махнул рукой Степан. – Что мне, впервой с разбитой рожей ходить? Эвон, на каждую масленицу, да на Купалу колотимся...

– Сходи, коли приказываю, – твердо сказал отец.

– Сделаю, – буркнул Степан, пряча ассигнацию в кармане.

– И не вздумай водку пить на эти деньги.

– Да не пью я, – обиделся Заречный. – Что я, чухонец какой-то, нажираться до свиньи?

– Опять ты начинаешь: то поляки у тебя плохие, то чухонцы – свиньи, – начал злиться отец. – Иди. И ты иди, и подумай о своем поступке, – сказал он мне.

Думай – не думай, он еще не знает, что поединок не окончен.

Возле двери в мой кабинет, я увидел Анну. Она стояла в тени мраморной колонны в белом строгом платье. И лицо у нее было такое же строгое. Она мне показалась холодная и бледная, как статуя в Летнем саду.

– Анна?

– Мне с вами нужно серьезно поговорить, – произнесла она чуть слышно. От ее слов веяло зимним холодом, как из раскрытого февральского окна.

– Я готов вас выслушать.

– Вы понимаете, что поставили меня в ужасное положение? Получается, что причиной вашей ссоры стала моя персона.

– Возможно, – ляпнул я.

– Вы издеваетесь! – в ее глазах блеснули слезы. – Если бы тогда вас не остановили, и произошла бы трагедия... Ладно бы – рана, а если бы убили вас или вы убили поляка... Как думаете, кого бы обвинили во всем? Кто бы оказался корень зла?

– Простите, но вы здесь ни при чем. И никто бы вас не винил, – пожал я плечами.

– Это с вашей точки зрения...

– Что вы хотите от меня? – меня начал раздражать этот нелепый разговор. Она же ничего не знает о наших предыдущих встречах с Яном.

– Хочу, чтобы вы завтра же пошли к Понятовскому и извинились, – твердо сказала она.

Ну, это уже – слишком!

– Ни-ког-да! – отчеканил я.

– Я вас прошу. Нет, я – требую! – она вдруг раскисла. Слезы брызнули из глаз. Губы скривились. Хотя она и была очень красива в эту минуту, но я почувствовал капельку отвращения. Что она от меня требует? Сама хоть понимает? Чтобы я, русский дворянин унижался перед этим наглецом в уланском мундире? В своем ли она уме?

– Это невозможно, как невозможно после выстрела схватить пулю и засунуть обратно в ружье, – ответил я, гордо вздернув подбородок. – А выстрел уже сделан.

– Если вы не внемлете моей просьбе, то я больше никогда с вами не заговорю. Никогда не пожелаю вашего общества. Вы для меня потеряете всякий смысл, – сердито пыхтела она. А слезы все катились по ее раскрасневшимся щекам.

Да что она из себя возомнила? – удивился я, глядя на эту холодную, но очень красивую девушку. Сердце мое сжалось, как часовая пружина, угнетаемая ключом. Мелькнула предательская мысль: может, и вправду поддаться на ее уговоры и извиниться? Но тут я вспомнил моего героя – генерала Кульнева. Пожалуй, у него была похожая ситуация. Его хотели женить, и невеста поставила невыполнимое условие: чтобы он оставил службу. Что же он тогда ответил? «Долг пред службою отечеству я ценю выше долга супружеского» ... Вот это – достойный поступок!

– Простите, Анна, – холодно ответил я, мысленно подражая отважному генералу. – Но честь превыше дружбы.

И мне стало легче. Пружина в сердце резко развернулась и сломала все преграды, заставляющие ее все время находиться в напряжении. Не хочет моего общества – не надо. Переживем!

Она не гневалась. Лицо ее не перекосило от злости. Она даже прекратила рыдать. Как-то странно взглянула на меня, не то с испугом, не то с грустью и очень тихо сказала: «Прощайте». В следующий миг ничего не осталось от Анны, ни тени, ни холода, ни тепла.

А что я так расстроился? И из-за кого? Из-за этой холодной девчонки? Нашлась тут, Галатея! – Пытался я подбодрить себя. Но внутри у меня было пусто и гадко. Вновь я напо-

минал себе старый бездонный колодец с черной водой. Вновь в меня вгрызлась предательская мысль: а может, действительно найти этого наглеца Янека и попросить прощения? Но тут же генерал Кульнев рубил эту мысль саблей: Нет! Никогда! Лучше умереть, чем так унижаться. Лучше навсегда потерять Анну... Сабля его бессильно опустилась... Потерять Анну?

Нет, не лучше... но придется...

Отец прощался с рижскими родственниками долго, с полковником – особенно, и даже оба слезу пустили. Маменька обнималась с сестрой и тоже плакала. Анна попрощалась с сестрами приветливо и ласково, но на меня даже не взглянула. Машенька скривилась и заплакала тоненько, словно котенок, за ней следом Оленька. Никаких эмоций не проявлял только я. Стоял мрачный, никого не замечая.

Дядька приобнял меня за плечи, отвел в сторону и тихо сказал с картавым немецким акцентом:

– Друг мой, вы в последнее время не похожи на себя. Стоит ли так убиваться? И из-за чего?

– Вы же все прекрасно знаете, – вздохнул я.

Он украдкой оглянулся. Убедившись, что все заняты, и на нас не обращают внимания произнес:

– Позвольте пожать вашу честную руку.

– Что? – не понял я.

– Вы поступили благородно, поверьте мне! Было бы у нас побольше времени, я бы показал вам шрам на груди. Из-за вашей тетушки Ильзы мне чуть не проткнули сердце. Но я отстоял свою честь и свое счастье. Ах, плюньте на бурчание папеньки. Конечно, отец страшно переживает за вас, но и он поступил так же. Будьте уверены.

– Возможно, вы правы. Но у меня другая ситуация. Анна сказала, что ненавидит меня.

– Анна? – он хохотнул, но тут же сконфузился. – Ах, вы пока ни черта не понимаете в женщинах. Представляете, я расскажу друзьям, что из-за моей дочери, из-за моей малютки Анны в Петербурге чуть не произошла дуэль.

– Прошу вас, не делайте этого, – испугался я.

Доктор задумался, покрутил напомаженный ус.

– Прощайте, – сказал он. – Жду вас непременно в гости. Непременно! Этим же летом!

Карета тронулась. Поскрипывая колесами, проплыла мимо. Я на миг, а может мне это показалось, встретился взглядом с Анной. Она сидела в глубине кареты и плакала. Почему она плачет? Нет, показалось. Мы часто хотим видеть того, чего не может быть. С чего ей плакать? Папаша распишет в ярких красках, как за право потанцевать с малюткой Анной чуть не сошлись насмерть двое золотых юнцов. После такого романтического анекдота у Анны наберется множество поклонников.

Я почувствовал, как теряю безвозвратно часть своей души. Анна, милая Анна! Неправильно! Как-то все неправильно! Карета скрылась за углом. Смолк цокот подков о брусчатку... Все!

Нет, не все! Завтра же вызову Янека на поединок. Пусть он меня убьет, порубит в куски – но чести своей я не потеряю. Но с Анной я был так счастлив. Неужели больше сказки не повториться? Никогда-никогда...

Да и бог с ним!

– Куда так спешите? – Степан затворял каретный сарай.

– Мне надо закончить спор с этим польским уланом. Я хотел бы завтра же все решить.

– Это, конечно – можно, – философски согласился Степан. – Да только торопиться не стоит. Как он палаш держал, сразу видно – бою обучен. Покалечит ведь.

– Ну и пусть, – обиженно надулся я. – А ты что можешь предложить?

– Ну, хотя бы недельку помахать саблей, чтоб рука привыкла, да голову научиться защищать. Голова в рубке – это главное.

– Ты прав! – очередной раз удивился я смекалке Степана. Неделку можно потянуть, да поупражняться. – Я знаю отличного учителя фехтования. Возьму у него пару уроков. Пойдем. Прямо сейчас.

– Так, барин, кони не кормленные, – попытался увильнуть Степан.

– Пойдем! Прохор задаст овса, – настаивал я.

Месье Пеполли, выходец из итальянских нищих дворян, слыл неплохим учителем, и брал за уроки недорого. Он когда-то служил в королевской гвардии. Но после захвата Италии Наполеоном, не принял нового императора и покинул теплую родину. Теперь обосновался на окраине Петербурга и в гимнастическом зале на Крестовском острове обучал дворянских недорослей искусству владения холодным оружием. Холодный полутемный зал бывшей конюшни вяло освещали дешевые свечи в массивных канделябрах. Запах конской мочи не выветрился до сих пор. Несколько юношей в фехтовальных масках и стеганых холщовых доспехах упражнялись в выпадах. Маленький человек с огромной кудрявой шевелюрой и тонкими усиками зычным голосом, на французском давал команды ученикам. Увидев нас, он широкими быстрыми шагами подошел и представился:

– Мастер Пеполли к вашим услугам.

Я объяснил ему, что хочу взять несколько уроков, и что мне нужно в кратчайший срок научиться хорошо фехтовать.

– Понимаю, – сокрушенно кивнул он. – Приходят иногда неумехи, у которых завтра дуэль, а они шпагу держат, как десертную вилку. Фехтование, месье – это искусство. Боевое искусство. И к каждому занятию надо готовиться духовно, учиться размеренно, вдумчиво, а не спешить на собственные похороны. Что ж, скиньте пальто, возьмите шпагу. Посмотрим, что с вами можно сделать.

Я снял пальто и отдал Степану. Остался в одной суконной куртке. Четырехгранная рапира с большой круглой гардой оказалась тяжелой и неудобной.

– Ногу вперед, колено чуть согнуть. Вот так, – командовал учитель, сам встав против меня с такой же рапирой. – Коли. – Я колот, он легко уходил. – Руку крепче. Почему вторая болтается?

– Послушай, мил человек, – вдруг вмешался Степан, долго наблюдая за нашими экзерсисами. – Барину нужно не шпажкой колотить, а палашом махать научиться.

– Это кто? – недовольно спросил учитель.

– Это мой... ординарец, – сказал я.

– Ординарец? Дубина неотесанная.

– Эй, полегче! – предупредил Степан, нахмутив косматые брови.

– Здесь я – мастер, а тебе тулуп стеречь. Ясно? Ну, что уставился?

– Я дело свое знаю, – зло пробасил Степан, – а, вот, из тебя мастер – хреновый.

– Ох, ох, ох! Чучело огородное заговорило, – шутливо закатил глаза мастер Пеполли. – Может, покажешь, как надо фехтовать?

– А, давай! Только не этой тыколкой, а на палашах.

Степан передал мое пальто слуге какого-то ученика, свой полушубок просто скинул на пол. Помощник Пеполли принес две учебные сабли с большими гардами-щитками.

– Если я его сейчас отлуплю – с вас двойная плата, – предупредил меня мастер. – Эй, мужик, давай, нападай. Только помни, что у тебя в руках не дубина, а благородное оружие.

– Ух, ты! А я и не знал, – притворился удивленным Степан, да так ловко рубанул саблей, что знаменитый фехтовальщик еле успел закрыться.

– Эй, что ты машешь, как метлой? – возмутился француз.

– А как надо? Покажите, сударь, – усмехнулся Степан.

Пеполли ринулся в атаку, но наткнулся на хорошую защиту и чуть не получил удар по уху. Минут пять противники сыпали удары, отбивались, делали выпады. Итальянец сражался изящно, резко, а Степан – просто, но умело. И надо признать – бились они на-равных.

– Ну, все! Все! – отскочил запыхавшийся сеньор Пеполли и опустил оружие. – Ты мне клинки ломаешь. Кто учил тебя так рубить, как янычар какой-нибудь?

– Как умею, – пожал плечами Степан.

– Молодой человек, – подошел он ко мне и гордо вздернул крючковатый нос. – Я не желаю вас учить. У меня школа искусств, а не училище гладиаторов. Прощайте!

И широкими шагами, слегка подсакивая, направился к ученикам.

– Прости, барин, что испортил все. Но этот коротышка ничему тебя не научит, – сказал Степан, накидывая пальто мне на плечи. – Зря деньги потратите.

– Постой, а где ты так наострился саблей владеть? – спросил я.

– Да, под Измаилом. Казаки показали немного... Да, когда янычары на тебя бросаются, оскалив зубы, хош – не хош – научишься.

– Так научи теперь ты меня, Степан! – вдруг сообразил я.

– Ну, что ты, барин. Я же не знаю этих, всяких батманов да рипостов. Я же от плеча, да со всей дури.

– Неправда! Я видел, как ты здорово уходил от ударов. А как бил его! У итальяшки, наверное, рука отсохла.

– Ну, не знаю... Одобрят ли ваш папенька, ежели я экзерсисы вам давать начну.

– О чем ты? – возмутился я. – Мне через несколько дней стоять перед смертью.

– Так, сегодня вечером и начнем, – тут же согласился Степан.

Под предлогом вечерней прогулки, мы со Степаном вышли на опустевшую темную набережную. У Заречного в руках оказались две палки.

– Это что, сабли? – разочаровался я.

– Да, – ответил он. – Крепкие выбрал.

Мы спустились к Неве на пустой каток.

– Мы будем заниматься здесь? – удивился я.

– Да.

– Но на льду невозможно устоять.

– Возможно. Еще как.

– И темно. Как же видеть саблю?

– А ее не надо видеть, достаточно чувствовать врага.

Как-то все было странно. Я встал на лед, еле балансируя, вытянул в направлении Степана палку-саблю. Он стукнул по ней своей саблей-палкой, и я, потеряв равновесие, грохнулся на лед.

– Вставай, барин. Вот такое это сложное искусство – с саблей воевать, да чтоб башку не проломили.

После часа экзерсисов у меня болели отбитые колени и локти. Правой руки я вообще не чувствовал. Пару раз Степан хорошенько огрел меня по голове. Но все же к концу экзерсиса я заметил, что могу стоять уверенно на льду. И палкой уже не махал абы как, а уверенно рубил с плеча.

– Довольно, барин. Завтра продолжим, – пожалел меня Степан.

– Еще немного, – требовал я.

– Ох, завтра рук-ног не поднимите. Предупредил!

И мы продолжили.

На следующий день все тело ныло. Мышцы казались каменными. Но вновь вечером, слегка размявшись, мы опять со Степаном занимались. Он показывал мне простые приемы

казачьей рубки, да как кистью работать, да локоть не проваливать, да как удары отводить... А я пытался изо всех сил запомнить, повторить, отработать до совершенства.

Через неделю я отправил Жана к Янеку, условиться о поединке. В нетерпеливом ожидании, я ходил из угла в угол по кабинету, не зная, к чему приложиться. Во мне все бурлило: то накатывала волна гнева и мужества, то отступала, обнажая зыбкое дно сомнений, а иногда – страха. Старая, но на вид грозная сабля, выбранная Степаном в оружейной лавке, лежала у меня на кровати в спальне. Она спала, но готова была в любой момент проснуться и превратиться в грозного мстителя. Рукоять кожаная, потертая. Медное навершие отполировано до блеска. Сколько же ты, родимая, голов сняла с плеч? Послужишь теперь мне. Сколько нам с тобой воевать? А может день мой последний настал? Паду на снег с раскрытым лбом или с проткнутым сердцем...

Я подошел к рабочему столу, взял перо, бумагу. Возникла мысль написать что-нибудь. Только что? Прощальное письмо матери? Нет! Что за глупости? Почему прощальное? Может, Анне? Да, ей! Но о чем? Чтобы не забывала меня? С чего? Наверное, уже забыла. Зачем напоминать? Ну, получит она письмо. У нее спросят: – От кого? Ах, не стоит, – ответит. – От одного вздорного мальчишки. Я и читать не намерена его глупую эпистоляцию.

Я отбросил перо, задумался. Бессмысленно глядел в окно на скованную льдом Неву, на шпиль Петропавловского собора. В это время по лестнице раздались шаги. Шаги вестника судьбы. Что ж, я готов! Вот и все! Сейчас участь моя должна решиться... Вошел Жан.

– Ну, что? – нетерпеливо бросился я к нему. – Где? Когда?

– Польские уланы еще два дня назад покинули Петербург, – сказал он, растеряно глядя на меня.

Я не понял, к чему это он? Ну, покинули, и что с того. Ах, да, Янек из польских уланов.

– Постой? И он с ними? – начал соображать я.

– Конечно.

– Он мне ничего не сообщил?

– Значит, можно сказать – сбежал, – решил Жан, неопределенно пожимая плечами.

– Не может такого быть! – уверенно воскликнул я. – Он – дворянин, и обязан был мне сообщить, что наш поединок откладывается...

Я ничего не понимал. Как теперь поступить? Что думать? Где его искать? Броситься за ним в погоню? Да что за глупость?

Я подошел к столу, решительно взял перо. Сейчас я ему напишу, все, что думаю. И писать буду не по-французски, а на чистом русском. Пусть побесится. Сейчас я ему все выскажу...

Уважаемый сударь, – вылетело из-под пера. А почему, собственно, уважаемый? Кто его уважает, я что ли? Смял лист, взялся за новый.

Сударь..., – хотелось столько всего написать, но вышло только: – Наш спор не окончен. Надеюсь на встречу.

Глава шестая

В начале лета отец взял небольшой отпуск, и мы отправились в Крещенки. Никак не мог привыкнуть, что у нас теперь собственное имение. Собирались долго. Машенька все приставала к маме: – давай возьмем чайный сервиз, из чего мы будем чай пить? давай возьмем теплый плед, вдруг похолодает; надо взять книги и набор для письма, мне надо будет подругам писать. Маменька разводила руками: – Машенька, в Крещенках все это есть. Я тоже напихал всевозможными «нужными» вещами свой дорожный кофр, да так, что он еле закрылся. После поразмыслил, вновь его открыл, перебрал вещи и половину оставил.

Конечно же, добрались быстро и без приключений, не то, что зимой. Да и дорога казалась совсем другой. Солнышко светило. Колея сухая. Птицы щебетали на все голоса... Я опять на козелках со Степаном. Пели песни, пыхтели трубками. И имение выглядело по-другому, когда к нему подъезжали: Старый величественный дом утопал в зелени. Он мне на миг показался загадочным замком где-нибудь в Трансильвании, где обитают бесстрашные рыцари и прекрасные принцессы, а подвалы его полны сокровищ, и вход охраняет уродливый горбун с алебардой.

– Эх, фасад надо править, и ограда покосилась местами, – деловито сказал Федор, разрушив все мои фантазии.

Огромные клумбы перед подъездом цвели и благоухали. Зигфрид Карлович встречал нас в новом зеленом сюртуке, румяный, любезный. Старый седой лакей в отглаженной ливрее помог маменьке выйти из кареты. Тут же буфетчик выскочил с подносом. А на подносе дымилась горка пирогов. В нос ударил хлебный аромат, от которого забурился живот, требуя угощения.

– А где борзая? Кажется, Матильдой ее звали? – спросил я у старого лакея.

– Издохла. От тоски издохла, – сказал он грустно.

– А Маркиз, тот толстый рыжий кот?

– И Маркиз сдох. Нашли его по весне в склепе графа. А там, рядом и схоронили.

Как-то печально стало. Это значит, мне одному придется ночевать в той жуткой спальне. Но на этот раз комната мне показалась светлой и уютной. Я приказал поставить книжный шкаф, а из библиотеки подобрал себе с десятков томов, которые решил прочитать за лето.

Раздвинул тяжелые шторы, впуская в комнату солнце, устроился с книгой за столом, как вдруг за окном раздались крики и знакомый лай Саги.

– Куда прешь по газону, лапоть ты эдакий! – ругался садовник.

– А я не к тебе. Понял? Я к барину молодому. – Это Федор.

– Так сойди на дорожку, не топчи траву.

– Тфу, ты, господи! Травы ему жалко. Я тебе из поля в следующий раз целую копну сена свежего принесу.

– Ох, ну и дурак ты, Федор.

– Да сам такой! Иди кустики стриги.

Я высунулся из окна.

– Федор, чего шумишь?

– Здрасте, барин, – поклонился он. – Так, я же до вас дело имею.

На нем был серый зипун без воротника, подпоясанный синим кушаком. Сапоги хромовые. На голове старый потертый цилиндр с муаровой выцветшей ленточкой. Парень – хоть куда! Если б не ружье за плечом, да борода нечёсаная.

– Как ружье? – спросил я.

– Ого-го! Столько дичи настрелял. Бьет, что молния разит, – довольно ответил он. – Я вот, что, барин, пришел. Для вас охоту приготовил. Где лоси, где медведи, все отметил, – он постучал указательным пальцем себе по лбу. – Если надумаете...

– Конечно! – обрадовался я. – Завтра и сходим.

– Так я приду с рассветом. Вы уж будьте на острие.

– Хорошо!

Ужин выдался на славу! Мы сидели на открытой веранде и пили чай с пирогами. В начале июня вечера стояли еще прохладные, но темнело поздно. На розовом горизонте слабо блистали редкие звезды. Птицы умолкали, но зато кузнечики продолжали концерт. Пахло разнотравьем и хвоей. Здоровенный медный самовар дымил. В брюхе у него сердито булькало. Степан подкидывал еловых шишек в топку, отчего бульканье становилось еще сердитее. Отец читал газету и с блаженством попивал из старинной фарфоровой чашки. Маленькая Оленька не капризничала и вся перемазалась в варенье. Маменька наслаждалась любимыми пирожками с клюквой. Даже вечно неугомонная Машенька притихла и о чем-то размышляла, молча глядя в лиловые небеса.

Спал я спокойно, как младенец. Никакие страхи меня не беспокоили. Чуть свет, услышал лай Саги и сердитый голос старого лакея:

– Чего приперся, дурень? Уйми собаку.

– Сам – дурень, – отвечал ему Федор. – Я за барином молодым, за Александром пришел. Мы охотиться идем.

– Еще рано. Барин спит. Уходи. Разбудишь весь дом.

– Федор, сейчас спущусь, – крикнул я в окно и стал быстро одеваться. Все с вечера припас: кожаную куртку, штаны из плотного сукна, высокие сапоги, ружье – конечно. Взял легкий кавалерийский карабин с коротким нарезным стволом. Лядунку медную с картушами.

– А табачку-то прихватили? – осведомился Федор.

– Взял, – успокоил я его.

– Ну, как, на лося али на медведя?

– Давай, на лося, – решил я, и мы зашагали по росистой высокой траве к лесу.

Шли темным сосновым бором. Глянешь кругом – одни коричневые стволы. Под ногами мох да пожухшая хвоя. И как только Федор дорогу здесь находил? Вдруг сосновый лес резко оборвался, и мы попали в заросли кустарников.

– Теперь – тихо! – предупредил Федор. Указал вперед. – Там река. Лоси на водопой ходят. Сейчас появятся.

Мы осторожно пробрались сквозь кустарник. Впереди еле текла небольшая речка, наполовину затянутая ряской.

– Вон они. Идут! – чуть слышно произнёс Федор.

К противоположному берегу приближался крупный горбатый лось.

– А что он без рогов? – удивился я.

– Так, лосиха же, – объяснил мне охотник. – О, гляди, и несмышлёныш за ней.

Из леса, смешно подпрыгивая, выбежал теленок. Неуклюжий, ноги длинные.

– Давай, барин, лосиху завалим, а Сага теленка придушит.

Я вскинул ружье, прицелился... Но вдруг представил, как это большое беззащитное животное свалится, обливаясь кровью, а собака накинется на бедного теленка и перегрызет ему горло... По телу пробежал озноб. Стало противно.

– Ну, чего, барин? Пали!

– Не буду, – я опустил ствол. – Не по-христиански мать с дитём убивать.

– Так это же – лоси. Упустим, – не понимал Федор.

– Пусть уходят. Не могу стрелять.

– Во – те – на, – развел руками Березкин. – И что теперь?

– Пошли, медведя завалим, – предложил я.

– Как прикажете, – пожал плечами охотник.

Федор повел меня через какие-то болота. Под сапогами хлюпала вонючая жижа. Кругом густой черничник, огромные метелки папоротника.

– По кочкам, барин, по кочкам ступайте, – учил охотник, а сам чуть свой сапог не утопил, провалившись по колено в трясины.

Наконец выбрались на сушу. Сага припала к земле, заметив что-то. Федор, шедший впереди, подал знак остановиться.

– Вон. Отличная добыча. Звереныши.

Я осторожно выглянул из-за бугра. Шагах в двадцати от нас резвились два забавных лисенка, рыженькие, пушистые комочки. Тут же виднелась нора, из которой выглядывал третий, пугливый.

– А, барин, на женские муфточки?

– Они же совсем крошечные, – удивился я. – Как можно их убивать.

– Да как, как, по голове тук прикладом – и все.

– Не буду. – Я повернулся и зашагал прочь. – Где там твой медведь?

Медведя нашли в малиннике, вернее – медведицу. А с ней годовалого увальня-медвежонка, и еще совсем маленького глупого звереныша.

– Во, гляди, как здорово! – обрадовался Федор. – Медведиху сейчас завалим. Годовалого тоже можно. А маленького изловим и цыганам продадим.

– Так, как же он без мамы? – Я представил бедного маленького медвежонка с намордником, на цепи.

– Нормально, – махнул рукой Федор. – Они когти ему повыдерут, да плясать научат под балалайку.

Я весь вскипел от возмущения.

– Не буду! Ну тебя, с твоей охотой. Почему обязательно убивать надо?

– Так на то она и охота, – робко ответил Федор, сдвинув цилиндр набок.

– Веди меня домой, – расстроено сказал я.

– Ой, барин, жалостливый ты какой. Это ж зверье. Оно для того и предназначено.

Я шагал молча.

– Ну, хоть, давай завтра на рыбалку, – предложил охотник. – Рыбу-то не жалко?

– Рыбу – нет, – согласился я.

– Во, на рыбалку сведу. Хоть и не графское это дело: скукотища...

К усадьбе подошли, когда летнее солнце падало к верхушкам елей. Я увидел, как Степан подводит к крыльцу оседланную лошадь.

– Отец решил вечером прокатиться? – удивился я.

– Посыльный прибыл из Петербурга. Андрей Петрович письмо прочел и сразу приказал седлать, – мрачно ответил Степан. – Видно что-то срочное, коли верхом собрался на ночь глядя.

Действительно, что-то странное.

Я поднялся в дом. Отец давал Зигфриду Карловичу какие-то распоряжения, застегивая на ходу дорожный плащ.

– Что случилось? – спросил я.

– Неотложные дела, – коротко бросил он, не желая объяснять столь неожиданный отъезд.

– Такие неотложные, что ты решил ночь провести в седле? – не отставал я.

Отец вздохнул, задумался. Очень тихо, чтобы никто, кроме меня не слышал, произнес:

– Похоже, ждут нас тяжелые годы. Не спокойно на границе с Польшей.

– Поеду с тобой, – тут же решил я.

– Нет. Оставайся с маменькой и сестрами, – приказал он.

– Не останусь. Ты один поскачешь через лес. А вдруг случится что? Конь споткнется, хотя бы. У тебя есть оружие?

– Стиллет, – показал он морской кортик на поясе.

– И все? У меня карабин. – Крикнул Степану: – Седлай еще одну лошадь.

– Но как же маменька и сестры твои? Возможно, им вскоре предстоит вернуться в Петербург.

– Степан довезет. Одного тебя, без оружия я не пушу.

– Что ж. Поехали, – нехотя согласился отец.

Всю ночь проскакали без остановки. Хорошо, хоть небо было ясное, да луна освещала дорогу. Передохнув пару часов на почтовой станции где-то под Лугой, вновь двинулись в путь. К концу дня погода испортилась. Петербург встретил нас вечерним дождем. На заставе, рядом со сторожевой будкой мокла армейская палатка. Из нее вышел унтер-офицер и двое егерей в полном вооружении; ружья с примкнутыми штыками.

– Прошу ваши документы, – приказал унтер-офицер, втягивая шею. Капли дождя по киверу³⁴ стекали ему за шиворот.

Отец протянул бумаги, спросил:

– Почему усиленное охранение на заставе?

– Город переведен на военное положение, – сухо ответил унтер-офицер, возвращая документы. – Проезжайте.

Что-то недоброе чувствовалось в облике ночного города. Как-то тревожно барабанил дождь по крышам, глухо отдавался стук копыт о мостовую. На центральных перекрестках – военные патрули. Может они, и раньше здесь стояли, просто я не замечал. Но все равно в воздухе висело предчувствие беды.

Отец только переменял промокшее платье и тут же с Прохором умчался в коляске по важному делу. Ко мне поднялся сонный Жан со свечой.

– Ты слышал? – с порога спросил он. На лице растерянность.

– Что произошло?

– Наполеон перешел Неман. Он уже взял Вильно, – выпалил Жан.

Этого не может быть! Не может! Как же это? Война?

Заснуть я так и не смог. Лежал и смотрел в окно на бледное ночное небо. Отец вернулся далеко за полночь. Я услышал, как во двор въехала коляска. Побежал встретить его. Но он только устало сказал:

– Потом! Все – потом. Мне надо поспать хотя бы часа два.

Я вернулся к себе. Снова лег. Тревожные мысли не уместались в голове. Что теперь с нами будет? Наполеон, это не шведский король. Под ним вся Европа. Он смог разбить даже вымученную прусскую армию. И наши войска были разгромлены семь лет назад под Аустерлицем. Об этом позоре говорили шепотом. Но все же известно: было потеряно сорок пять знамен, сто восемьдесят пушек. Убито и взято в плен около двадцати семи тысяч наших воинов. И теперь армия, не знавшая поражений, пришла на нашу землю. А куда Наполеон направит войска? Конечно же, в Петербург. Неужели мой город, мой дом больше не будет принадлежать мне? Неужели нашу семью постигнет участь месье де Бельте, участь Жана? Никогда! Пусть меня убьют, но я не пушу французов в Петербург.

Как только с рассветом раздалось шорканье метел дворников по мостовой, я вскочил, умылся, оделся и поспешил к гостиним рядам на Невский, в надежде прочитать свежие новости в газетах. В кондитерской Бендектинского, несмотря на ранний час, уже собралось много

³⁴ Кивер – военный головной убор цилиндрической формы, с плоским верхом, с козырьком, часто с украшением в виде султана

народу. Под потолком завис бледный слой табачного дыма, перемешанный с кофейным ароматом. Все листали свежие «Петербургские Ведомости». Одни пили кофе, другие жарко беседовали.

– Извольте кофе? – спросил у меня приказчик в белом переднике, как только я переступил порог.

– Да, и, если можно – английский, – сделал я заказ.

– Сию минуту, – угодливо поклонился приказчик и юркнул на кухню.

Я подошел к группе спорящих, прислушался.

– Господа, не думаю, что все так серьезно, – говорил грузный господин в дорогом фраке строгого английского покроя. – У нас вполне сильная армия. Мне кажется, обойдемся локальными стычками в Польском герцогстве, подпишем очередной мир, и на том разойдемся.

– Да, вот, не разойдемся, – возражал седой генерал с пышными бакенбардами, выпуская в потолок облако дыма из трубки. – Поверьте, я участвовал в Итальянской компании и побывал при Аустерлице. Этот чертов самозванный император любое дело доводит до конца.

– Ну, вот тут-то и придет его конец, – пожал плечами чиновник в форме почтового ведомства. – Только вот, адмирал Нельсон³⁵ разбил его флот в пух и прах.

– Экая отвага, – усмехнулся молодой флотский офицер в голубом мундире, оторвавшись от газеты. – Что за победа? Подлю подкрался и расстрелял беззащитные корабли в гавани. Назовите мне хоть одно открытое сражение, где Горацио Нельсон одержал победу? А французский адмирал де Брюи³⁶, при всем моем уважении к нему, – бездарен. Поэтому и потерял флот при Абукире³⁷.

– К сожалению, в Варшавском герцогстве моря нет, – согласился генерал с морским офицером и с прищуром спросил у чиновника: – А вам известно, сударь, что Наполеон на суше не проиграл еще ни одного сражения?

– Известно, – вынужден был согласиться тот.

– Беда в том, – вмешался высокий господин с пышными напояженными усами, в синем мундире полицейского чина, – что у нас армии разбросаны черт-те где: – Тормасов на юге в Бессарабии. А если с турками мир не выйдет? Что тогда? А вдруг шведы подумают отомстить нам за недавнюю проигранную Финскую компанию? Они вот тут, рядом. Двинут на Петербург – и все.

– Слыхивал от моего кузена, – встрял молодой щеголь в летнем замшевом камзоле с атласным воротом, – Он у меня в министерстве иностранных дел служит, король прусский на сторону Бонапарта перешел.

– И поляки взбунтовались, – добавил старый толстый господин, сидевший чуть в стороне. – Уланы Понятовского теперь на той стороне. Считай, Польшу мы уже проиграли.

– Да, господа, дело серьезное, – сделал вывод генерал, выпустив в потолок очередное облако дыма. – Я, вот, нынче в отставке, но, думаю, сейчас не до спокойной жизни. Долг каждого – встать на защиту отечества. Не дай Бог, вступит в Петербург сапог француза... Все – нет матушки-России.

³⁵ Горацио Нельсон (англ. Horatio Nelson; 29 сентября 1758, Бёрнем-Торп (англ.)русск., графство Норфолк – 21 октября 1805, мыс Трафальгар, Испания) – английский флотоводец, вице-адмирал (1 января 1801), барон Нильский (1798), виконт (1801).

³⁶ Этьенн Брюи (фр. Étienne Eustache Bruix; 1759, Сан-Доминго – 18 марта 1805, Париж) – французский адмирал, морской министр Франции при Наполеоне Бонапарте.

³⁷ Битва при Абукире – решающее морское сражение между королевским военно-морским флотом Великобритании под командованием адмирала Нельсона и флотом Французской республики под командованием адмирала де Брюе в Абукирском заливе вблизи Нила с 1 по 3 августа 1798 года. Сражение стало кульминацией военно-морской кампании, которая проводилась в Средиземном море в течение трёх предшествующих месяцев, с тех пор как крупный французский конвой с экспедиционным корпусом под командованием Наполеона Бонапарта отплыл из Тулона в Александрию. Результатом сражения стала решительная победа британцев.

– Да что вы такое говорите? – возмутились все.

– А то и говорю, что – верно. Не за Урал же нам бежать?

– Долг каждого честного дворянина – помочь Родине, – поддержал его молодой щеголь, и все разом начали высказывать свое мнение. Кидаться патриотическими лозунгами: Умереть, но не пустить! За нами Бог! Святая Русь не достанется супостату... и так далее.

Я в два глотка выпил обжигающий горький кофе, расплатился и быстро вышел на улицу. Больше мне здесь делать было нечего. Теперь я прекрасно знал, как надо действовать. Конь у меня есть, сабля есть, карабин... Прикупить еще пару пистолетов и кавалерийскую пику...

Как же так? – думал я на ходу. – Неужели это возможно? Враг вступит в Петербург, развесит на Петропавловской крепости свои штандарты... Да не бывать этому!

В доме было непривычно тихо. Отец работал у себя в кабинете. Сквозь приоткрытую дверь я увидел, как он, склонившись над столом, что-то пишет. Перо, словно парус корабля, носилось над бумагой. Я юркнул в свою спальню, перетряхнул все схроны, собрал все деньги, что у меня были. Накопилось не так уж мало. Хватит и на пистолеты, и на пику. Даже еще на дорогу останется прилично. Внизу меня встретил Жан.

– Ты куда-то собрался? – спросил он.

– Я отбываю в войска. Пойду, сейчас, прикуплю все нужное – и в путь.

– Возьми меня с собой, – попросил он неожиданно.

– Нет, – покачал я головой.

– Я тоже хочу воевать, – схватил он меня за рукав.

– Жан, я иду на войну, на настоящую, и, возможно, не вернусь.

– Ты будешь защищать Россию, а я должен биться за Францию, за ту Францию, которую мы потеряли, – не отставал Жан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.